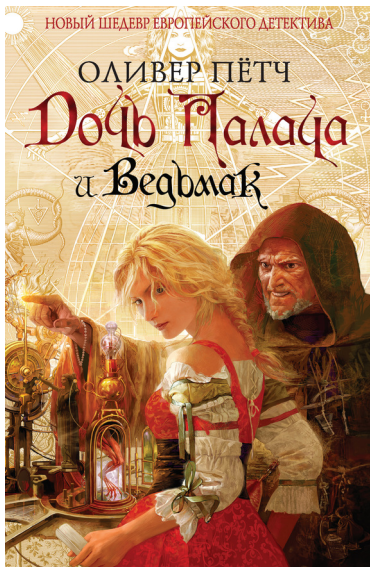

Оливер Пётч
Дочь палача и ведьмак
Серия «Дочь палача», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9001643

Оливер Пётч. *Дочь палача и ведьмак*: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-77945-1

Оригинал: OliverPötzsch, "DER HEXER UND DIE HENKERSTOCHTER"

Перевод:

Р. Н. Прокуров

Аннотация

Якоб Куизль – грозный палач из древнего баварского городка Шонгау. Именно его руками вершится правосудие. Горожане боятся и избегают Якоба, считая палача сродни дьяволу...

Летом 1666 года Магдалена, дочь палача из Шонгау, и ее муж Симон Фронвизер прибыли в знаменитый баварский монастырь Андекса – возблагодарить Господа за чудесное исцеление своих маленьких детей. В это же время в монастыре одно за другим начались странные убийства. Настолько странные, что монахи принялись шептаться: в округе завелся ведьмак! Все улики неопровержимо указали на брата Йоханнеса, аптекаря монастыря. Его схватили и передали в руки местного палача, который под пытками должен вырвать признание у несчастного. Случайно узнав, что в монастыре находится дочь Куизля, Йоханнес передал ей свою просьбу – во чтобы то ни стало известить шонгауского палача, его старого друга. Уж тот-то обязательно спасет невинного – и жестоко покарает настоящего ведьмака...

Содержание

Действующие лица	6
Пролог	7
1	9
2	16
3	30
4	42
5	57
6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Оливер Пётч

Дочь палача и ведьмак

Посвящается Мариану, Вольфгангу, Мартину, Виту, Мики и всем остальным

Лицо скрыто под капюшоном, и меч занесен для удара...

© by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin.

© Прокуров Р.Н., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Было бы попросту грешно пропустить эту книгу.
The New Yorker

Пётч знает, как закрутить сюжет... Захватывающий детектив в
обрамлении истории... Держит в напряжении до последней страницы.
Süddeutsche Zeitung

Если вам понравился роман «Имя розы» Умберто Эко, прочитайте
теперь вот это.
Library Journal Express

Пётч – великолепный рассказчик, а его характеры удивительно яркие и
правдоподобны.
Booklist

Действующие лица

Паломники из Шонгау:

Магдалена Фронвизер (урожденная Куизль) – дочь палача

Симон Фронвизер – цирюльник Шонгау

Карл Земер – первый бургомистр Шонгау

Себастьян Земер – сын первого бургомистра

Якоб Шреефогль – гончар и член городского совета

Бальтазар Гемерле – плотник из Альтенштадта

Конрад Вебер – городской священник

Андре Лош, Лукас Мюллер, Ганси Йозеф Тванглер – подмастерья каменщика

Прочие жители Шонгау:

Якоб Куизль – палач Шонгау

Анна-Мария Куизль – жена палача

Георги Барбара – близнецы, дети Куизля

Петери Пауль – дети Симона и Магдалены Фронвизер

Марта Штехлин – знахарка

Братья Бертхольды: Ганс, Йозефи Бенедикт

Иоганн Лехнер – судебный секретарь

Монастырь Андекса:

Маурус Рамбек – настоятель монастыря

Брат Иеремия – приор

Брат Экхарт – келарь

Брат Лаврентий – наставник послушников

Брат Бенедикт – кантор и библиотекарь

Брат Виргилиус – часовщик

Виталис – послушник и подручный часовщика

Брат Йоханнес – аптекарь

Келестин – послушник и подручный аптекаря

А также:

Михаэль Грец – живоде́р из Эрлинга

Маттиас – подмастерье живоде́ра

Граф Леопольдфон Вартенберг – посланник Виттельсбахов

Граффон Чезанаи Колле – земельный судья Вайльхайма

Мастер Ганс – палач из Вайльхайма

Пролог

Эрлинг близ Андекса, вечер 12 июня 1666 года от Рождества Христова

Небо затягивали темные тучи, и послушник Келестин, смачно выругавшись, зашагал навстречу собственной смерти.

На востоке, по ту сторону озера Аммерзее, громадным чудищем вихрились черные клубы, сверкали первые молнии и доносились отдаленные раскаты грома. Келестин прищурился и над монастырем Дисена в пяти милях сумел уже разглядеть серую дождевую завесу. Пройдет всего несколько минут, и непогода разразится над Святой горой; и в это именно время послушнику предстояло выловить из монастырского пруда карпа на ужин для жирного аптекаря. Келестин выругался в очередной раз и натянул на лицо капюшон черной рясы. Что ему оставалось делать? Послушание было одним из трех обетов монахов-бенедиктинцев, а брат Йоханнес являлся его наставником. Временами вспыльчивый, зачастую загадочный, а главное, прозорливый монах – но, несмотря на все это, его наставник.

*Porca miseria!*¹

Как это часто бывало, в плохом настроении Келестин переходил на язык своих родителей. Он вырос в итальянской горной деревушке по ту сторону Альп, но безумия войны сделали его отца солдатом, а маму – маркитанткой и шлюхой. Здесь, в монастыре на Святой горе, Келестин нашел приют при монастырской аптеке, и хотя бесконечные литании и ночные молитвы временами выводили его из себя, он чувствовал себя в безопасности. Он ел досыта три раза в день, спал в тепле и комфорте, а андексское пиво считалось одним из лучших во всем баварском княжестве. В эти трудные времена могло быть гораздо хуже. И все же тощий, низкого роста послушник ругался себе под нос; и дело было не только в том, что в скором времени он станет мокрым, точно карпы в пруду Эрлинга.

Келестин боялся.

С тех пор как три дня назад он сделал это открытие, страх терзал его, словно мелкое злобное существо. Вид был столь ужасающим, что кровь стыла в жилах. Он до сих пор преследовал его в кошмарах, и послушник просыпался с криком и залитый потом. Подобное кощунство Господь не оставит безнаказанным, это уж точно. Темные тучи и молнии казались Келестину предвестниками ветхозаветного возмездия, которое в скором времени постигнет монастырь.

Но еще ужаснее был исполненный ненависти взгляд того человека. Он узнал Келестина, пока тот не убежал сломя голову – по крайней мере, послушник так думал. Взгляды застигнутого врасплох говорили больше тысячи слов. В последние дни они ощупывали его, точно проверяли, проболтается Келестин или нет.

Келестин знал, что у этого человека имелись могущественные заступники. Поверят ли ему, простому послушнику? Обвинение было столь ужасным, что его запросто могли счесть сумасшедшим. Или, что еще хуже, он прослыл бы клеветником, и тогда приятной жизни с мясом, пивом и теплой сухой постелью, вероятно, настал бы конец.

И несмотря на это, Келестин решил говорить. Завтра же он обратится к совету, и совесть его наконец-то очистится.

Громовой раскат разорвал тишину, и озябший послушник почувствовал на лице первые капли дождя. Он подтянул капюшон и прибавил шагу. В скором времени последние дома Эрлинга остались за спиной, и впереди раскинулись поля и пастбища. За небольшим перелеском, окруженный оградой и кустарником, располагался пруд с карпами. Обернувшись,

¹ Черт возьми! (ит.)

Келестин взглянул на монастырь, что стоял на горе, окруженный темными тучами, – его дом, который придется, наверное, вскоре покинуть. Вздохнув, он прошаркал оставшиеся до пруда метры, словно шел на собственную казнь.

Дождь между тем усиливался, и поверхность воды бурлила, точно ядовитый отвар. Келестин взглянул на серых разжиревших карпов, что десятками плавали в пруду. Они разедали голодные рты и глотали дождевые капли, словно манна небесная проливалась из туч. Келестин с отвращением поморщился: он никогда не питал любви к карпам. Это тупые и склизкие падалыщики, а мясо у них отдавало мхом и гнилью. Рыбы эти напоминали ему чудовищ, каких он знал по библейской Книге пророка Ионы. Омерзительные существа, которые поедали все, что бы ни плескалось в воде.

Келестин осторожно шагнул на узкий и скользкий мостик и взялся за сачок, прислоненный к перилам. Спрятав под капюшоном лицо от дождя и безжалостного ветра, послушник неохотно принялся ворочать сачком в воде. Если поторопиться, то, быть может, он успеет добраться до аптеки прежде, чем штаны и носки под плотным черным плащом промокнут насквозь. В иной жизни Келестин, наверное, отхлестал бы брата Йоханнеса карпом по жирным щекам – но он обречен был на молитвы и послушание. Вот цена, которую приходилось платить за сытую жизнь.

За спиной что-то скрипнуло; гроза почти заглушила звук, но Келестин замер: кто-то шагнул на мостик. Однако не успел послушник оглянуться, как что-то затрепыхалось в сачке. Он облегченно вздохнул и начал подтягивать к себе длинную жердь, бормоча:

– Попался... Посмотрим, что за жирдяй...

В это мгновение что-то тяжелое ударило его по затылку.

Келестин покачнулся, отступил на шаг, затем ноги его разъехались на скользких от дождя досках, и он, вместе с сачком рухнув в конце концов в бурлящую воду, принялся бешено барахтаться, чтобы спасти собственную жизнь. Как многие люди его времени, он умел разделявать зайцев, по запаху мог определить сотни трав и повторить наизусть длиннейшие выдержки из Библии. Вот только одного не умел Келестин – плавать.

Юный послушник кричал и бился, загребал руками и дрыгал тощими ногами, но собственный вес неумолимо тянул его в глубину. Внезапно Келестин почувствовал илистое дно под ногами, оттолкнулся и, хватая воздух ртом, вынырнул из воды. Он принялся отчаянно хватать руками вокруг себя и вдруг ухватился за рукоятку сачка, плававшего на поверхности. Перехватил ее покрепче и подтянулся. За плотной дождевой завесой он разглядел на мостике закутанного в плащ человека, который держал второй конец сачка.

– Спасибо! – просипел послушник. – Ты мне жизнь...

В этот миг незнакомец надавил на сачок, так что Келестин погрузился под воду. Когда он снова вынырнул на поверхность, то почувствовал, как его опять с силой давит вниз.

– Но... – начал послушник.

Тут мутная вода заполнила его рот и заглушила последний отчаянный крик. Келестин безмолвно погрузился под воду.

В то время как жизнь искристыми пузырями покидала его тело, послушник чувствовал, как жирные карпы терлись скользкими боками о его щеки и копошились в коротких волосах вокруг тонзуры. Когда умирающий юноша наконец опустился на дно, рот его был распахнут, как у рыбин вокруг, что неподвижными и бесстрастными глазами таращились на утопленника.

Человек на мостике какое-то время наблюдал еще за бурлящими пузырями. Наконец он удовлетворенно кивнул, поставил сачок на место и зашагал прочь.

Следовало закончить начатое.

1

В это же время в лесу у подножия Святой горы

Молния прорезала небо, точно перст разгневанного божества.

Она ударила прямо над Аммерзее, отчего пенистые зеленые волны вспыхнули на долю секунды ядовитым сиянием. С раздавшимся затем громом плотной стеной хлынул ливень, и одежда двадцати с лишним паломников из Шонгау в считанные мгновения промокла насквозь. И хотя время близилось лишь к семи вечера, на путников словно опустилась ночь. Симон Фронвизер покрепче сжал руку жены, и вместе с остальными они двинулись вверх по крутому склону, к монастырю Андекса.

– Нам еще повезло! – перекричала Магдалена рев непогоды. – Часом раньше, и буря застала бы нас на озере!

Симон молча кивнул. Лодка с паломниками пошла бы ко дну в волнах Аммерзее далеко не в первый раз. Теперь, по прошествии почти двадцати лет после Большой войны, паломники тянулись к знаменитому баварскому монастырю в таких количествах, каких никто даже припомнить не мог. В это время, раздираемые голодом, непогодой, волчьими стаями и мародерствующими бандами, люди с особенным рвением искали защиты в лоне церкви. А чудеса, о которых иногда разносились слухи, лишь усиливали это рвение, и именно монастырь Андекса, расположенный в тридцати милях к юго-западу от Мюнхена, прославился благодаря своим древним чудодейственным реликвиям – и пиву, с которым так легко можно забыться.

Лекарь еще раз оглянулся на озеро, от которого они едва отошли, и сквозь дождевую завесу увидел, как ветер хлещет по его поверхности. Два дня минуло с тех пор, как они с Магдаленой и группой шонгауцев покинули родной город. Паломники миновали Хоэмпайсенберг и прошли к Дисену на Аммерзее, откуда их перевезли в хлипкой лодке на другой берег. Теперь они брели через лес по крутой размытой тропе к монастырю, что возвышался над ними в окружении темных туч.

Во главе процессии верхом на лошади ехал бургомистр Карл Земер, а за ним поспевал пешком его взрослый сын; пробирался сквозь бурю священник Шонгау с большим раскрашенным крестом. Далее шли несколько плотников, каменщиков и столяров и, наконец, молодой патриций Якоб Шреефогль, который, помимо Земера, единственным из советников откликнулся на призыв к паломничеству.

И бургомистр, и Шреефогль, как полагал Симон, отправились с ними не столько для очищения души, сколько ради выгодных сделок. Место, подобное Андексу, с тысячами голодных и мучимых жаждой паломников, словно было создано для наживы. Лекарь охотно узнал бы, что думал на этот счет Господь. Ведь недаром Иисус изгнал из храма всех торговцев и ростовщиков? Что ж, собственная его совесть в этом отношении была абсолютно чиста. Ведь они с Магдаленой отправились в Андекс не ради денег, а чтобы отблагодарить Бога за спасение своих детей.

Вспомнив о трехлетнем Петере и двухлетнем Пауле, Симон невольно улыбнулся. Интересно, что сейчас вытворяли малыши, доводя дедушку, палача Шонгау, до белого каления?

В это мгновение очередная молния с треском расколола ближайший бук, и люди с криками попадали на землю. Заплясали языки пламени, искры быстро перекидывались на соседние деревья, и в скором времени пылал, казалось, весь лес.

– Мария, пресвятая Богоматерь!

Симон разглядел в полумраке, как первый бургомистр Карл Земер упал на колени в нескольких шагах от него и несколько раз перекрестился. Рядом стоял его сын – он онемел от

страха и таращился на горящее дерево перед собой; остальные паломники в это время спасались от непогоды в ближайшей низине. У лекаря в ушах звенело от оглушительного грома, прогремевшего вслед за молнией прямо над ними. Словно через стену, до него донесся приглушенный голос жены:

– Уходим скорее! Там, у ручья, мы будем в безопасности!

Магдалена сгребла своего еще колеблющегося супруга и потянула его прочь с узкой тропинки, по краю которой уже пылали два бука и несколько молодых сосен. Симон споткнулся о гнилую ветку и съехал по отлогому, покрытому старой листвой склону. Скатившись вниз, он со стоном поднялся, вытряхнул несколько веточек из волос и оглядел разразившийся вокруг него хаос.

Молния расщепила старый могучий бук точно посередине, повсюду до самой низины валялись горящие ветви и сучья. Языки пламени бросали дрожащие отсветы на шонгауцев: кто-то молился и постанывал, другие потирали ушибленные в падении конечности. К счастью, никто серьезно не пострадал, и первый бургомистр с сыном, по всей видимости, тоже остались невредимыми. Карл Земер уже разыскивал в сгустившихся сумерках свою лошадь, которая ускакала вместе с поклажей.

Симон не без удовольствия наблюдал, как бургомистр с воплями носился по лесу.

«Следует надеяться, кобыла ускачет вместе с набитым кошельком, – подумал он. – Если этот толстяк снова примется славословить, сидя в седле, ей-богу, приму на душу смертный грех».

Лекарь быстро разогнал эти мысли, не приличествующие паломнику. Он вполголоса выругал себя за то, что не взял плащ потеплее. Новая зеленая накидка с аугс-бургского рынка хоть и выглядела нарядной, но, вымокшая под дождем, висела на нем бесцветной тряпкой.

– Можно подумать, сам Господь не желает, чтобы мы сегодня побывали в монастыре.

Симон повернулся к Магдалене: она уставилась в небо, дождь стекал по ее забрызганному грязью лицу.

– Непогода довольно часто случается в это время года, – ответил он словно бы между прочим и попытался хоть немного придать голосу уверенности. – Не думаю, что...

– Это знак! – послышался дрожащий голос справа. Это был Себастьян Земер, сын бургомистра. Он скрестил пальцы правой руки и показал на Симона с Магдаленой. – Я говорил ведь, что нам следует оставить женщин дома. Кто отправляется в паломничество к Святой горе с дочерью палача и грязным цирюльником, самого Вельзевула ведет за руку. Молния есть знак Господа, он призывает нас покаяться...

– Прикуси свой дерзкий язык, Земер! – прошипела Магдалена и сверкнула глазами на юношу. – Что ты знаешь такого о покаянии, ну? Лучше штанишки выжми, пока другие не заметили, что ты обмочился от страха.

Себастьян стыдливо уставился на темное пятно, растекшееся по широким ярко-красным ренграмм, затем молча отвернулся, при этом злобно покосившись на Магдалену.

– Не слушайте его. Мелкий пройдоха, всего лишь избалованный воспитанник своего отца.

Из темноты леса выступил Якоб Шреефогль. Патриций был одет в приталенный камзол и высокие кожаные сапоги, белый кружевной воротник обрамлял привлекательное лицо с бородкой и крючковатым носом. Дождь тонкой струйкой стекал с острия его парадной шпаги.

– А вообще вы правы, Фронвизер. – Шреефогль повернулся к Симону и указал на небо. – В июне подобные ненастья явление вполне обычное. Но если молнии бьют в непосредственной близости от тебя, поневоле чувствуешь на себе гнев Господа.

– Или гнев ближнего своего, – мрачно добавил Симон.

Уже четыре года минуло с тех пор, как они с Магдаленой поженились. И все это время многие горожане ясно давали понять Симону, как они относились к этому браку. Будучи дочерью палача Якоба Куизля, Магдалена считалась неприкасаемой, и ее по возможности обходили стороной.

Лекарь пошарил возле пояса и проверил, там ли еще висит мешок с целебными травами и медицинскими инструментами. Не исключено, что немного лекарства понадобится ему и во время этого паломничества. В последнее время горожане все чаще обращались за помощью к Симону. И хотя о Большой войне теперь помнили лишь старики, чума и другие эпидемии в последнее время одна за другой проносились над Шонгау. В прошлую зиму заболели и оба сына Симона и Магдалены. Но Господь смилостивился, и малыши выздоровели. После этого Магдалена молилась несколько дней и в конце концов уговорила Симона отправиться с ней после Троицы в паломничество к Святой горе вместе с другими двадцатью жителями Шонгау и Альтенштадта, которые хотели вознести благодарственную молитву Господу в знаменитый Праздник трех причастий. Детей Фронвизеры оставили на попечение бабушки и дедушки – и после событий, пережитых ими за этот час, Симон нисколько не пожалел о таком решении.

– Судя по всему, дождь все-таки затушил пожар. – Шреефогль указал на развороченный бук, на котором еще плясали несколько язычков пламени. – До Андекса, должно быть, уже недалеко. Мили две-три, не больше, как думаете?

Лекарь пожал плечами и огляделся. И остальные деревья теперь лишь слабо дымились, зато дождь полил такой, что в вечерних сумерках даже вытянутую перед собой ладонь едва можно было разглядеть. Паломники попрятались под растущими неподалеку елками, чтобы переждать ливень. Один только Карл Земер все разыскивал свою лошадь и с громкими криками бродил где-то по лесу. Капризный сын его между тем предпочел усесться на поваленный ствол дерева и теперь отогревался с помощью припасенной фляжки с настоейкой. Его преподобие Конрад Вебер смотрел на юного упряма и хмурился, но вмешиваться не собирался. Священника Шонгау вовсе не прельщало связываться с отпрыском первого бургомистра.

Однако не успели паломники хоть немного успокоиться, как где-то поблизости громынула очередная молния. Шонгауцы снова бросились врассыпную, точно напуганные куры, и устремились по грязным откосам дальше в долину. Деревянный крест священника, расколотый и заляпанный грязью, остался лежать где-то среди булыжников.

– Да не разбегайтесь вы! – перекричал Симон дождь и грозу. – Ложитесь наземь! На земле безопасно!

– Забудь. – Магдалена покачала головой и зашагала в ту же сторону. – Они не слышат тебя. А если бы и услышали, то вряд ли стали бы прислушиваться к советам какого-то цирюльника.

Симон вздохнул и вместе с Магдаленой поспешил вслед за остальными. Рядом с ними вышагивал плотник Бальтазар Гемерле; он все не расставался с тяжелой тридцатифунтовой паломнической свечой. Пламя ее уже погасло, но сильный, шести футов ростом богатырь держал ее, точно знамя в строю. Симон, и без того низкий, рядом с ним казался самому себе еще меньше и тоньше.

– Холопыё безмозглые! – проворчал Гемерле и широким шагом обошел грязную лужу. – Это же ливень, и ничего больше! Нужно побыстрее выбираться из этого леса, будь он неладен. А если эти трусишки и дальше будут убегать, мы еще и заблудимся вконец!

Симон молча кивнул и прибавил шаг. Под раскидистыми кронами между тем сгустилась непроглядная тьма. Большинство спутников теперь виделись лекарю лишь разрозненными силуэтами, издали доносились испуганные крики, кто-то громко молился четырнадцати святым чудотворцам.

Кроме того, где-то вдали начали завывать волки.

Симон вздрогнул. За годы после Большой войны эти звери сильно расплодились и стали, как кабаны, настоящим бедствием для селян. Отряду из двадцати смелых мужчин голодные твари сделать ничего не смогли бы, но для паломников, поодиночке блуждавших по лесу, представляли серьезную угрозу.

Ветви больно хлестали по лицу, Симон старался хотя бы Магдалену и коренастого Бальтазара Гемерле не потерять из виду. Но плотник со свечой был, к счастью, таким здоровым, что лекарь то и дело отыскивал его среди кустов и низких деревьев.

Здоровяк вдруг остановился как вкопанный, и Симон едва не налетел на него и Магдалену. Лекарь собрался уже крепко выругаться, но потом замер и почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом.

На небольшой прогалине прямо перед ними стояли два волка, злобно скалясь и рыча на паломников. Глаза их красными точками сверкали в ночи, лапы – напряжены перед прыжком. Вид у них был настолько истощенный, словно они давно уже никого не ловили.

– Не шевелитесь! – прошипел Бальтазар. – Если побежите, они бросятся на вас сзади. К тому же мы не знаем, есть ли поблизости другие.

Симон медленно потянулся к мешку, в котором, помимо медицинских инструментов и трав, лежал остро отточенный стилет. Правда, он сомневался, что маленький ножичек поможет ему против двух изголодавшихся зверюг. Магдалена рядом с ним не шевелилась и тарасилась на волков. Плотник Бальтазар чуть поодаль перехватил тяжелую свечу, словно меч, будто собирался ею разmozжить голову одному из зверей.

«Залитая волчьей кровью паломническая свеча! – пронеслась мысль в голове лекаря. – Интересно, что скажет на это настоятель монастыря?»

– Спокойно, Бальтазар, – прошептала через некоторое время Магдалена. – Смотри, как они хвосты опустили. Они нас боятся больше, чем мы их. Так что медленно отходим...

В ту же секунду один из волков, тот, что крупнее, бросился на Симона и Магдалену. Лекарь прынул в сторону и краем глаза проследил, как зверь пронесся мимо него. Но не успел волк приземлиться на лапы, как тут же развернулся, готовый к следующему броску. Он распахнул пасть: лекарь увидел громадные белые клыки, с которых стекала слюна, и Симон, точно сквозь линзу, видел каждую капельку. Волк изготoвился к новому прыжку.

И в этот миг что-то гроыхнуло поблизости.

Сначала лекарь подумал, что где-то рядом снова ударила молния. Но потом он увидел, как волк скорчился от боли, завизжал, упал на землю, дернулся и наконец умер. Кровь хлынула на листву из раны на шее. Второй волк рывкнул в последний раз и мощным прыжком бросился наутек; в следующую секунду он уже растворился во тьме.

– Господь даровал ему жизнь, он же ее и забрал. Аминь.

Из-за деревьев выступил крепкого сложения незнакомец; в одной руке у него дымился мушкет, а в другой он держал зажженный светильник. Человек тот надвинул капюшон на лицо и под проливным дождем выглядел как разгневанный лесной дух, преследующий браконьеров.

Наконец незнакомец откинул капюшон, и взору открылось добродушное лицо обритого наголо монаха с оттопыренными ушами, кривыми зубами и пухлым, с прожилками, носом. Наверное, это был самый безобразный человек, какого Симон встречал в своей жизни.

– Позвольте представиться, брат Йоханнес из монастыря Андекса, – проговорил тучный монах и оглядел троих заплутавших паломников. – Вам тут калган,² случайно, не попался?

² Имеется в виду корень многолетнего растения *Alpinia officinalis*, в просторечии калгана, широко используемый в

Симон слишком устал и не в состоянии был ответить, по лицу его струился пот вперемишку с каплями дождя. Он съехал вдоль дерева и уселся на землю, после чего вознес небесам благодарственную молитву.

Судя по всему, придется ему зажечь на Святой горе одной свечой больше.

* * *

Спустя полчаса паломники из Шонгау под руководством брата Йоханнеса поднимались по узкой тропинке к монастырю.

Все они перепачкались, у кого-то была изорвана одежда, другие потирали ссадины и ушибы. Но в целом никто, похоже, не пострадал, даже лошадь бургомистрова нашлась. Старый Земер ехал теперь во главе колонны сразу за толстым монахом и старался придать себе важный вид, что не слишком-то и получалось в измятой шляпе и забрызганном грязью плаще. Дождь между тем перешел в непрерывную изморось, и буря сместилась на восток, в сторону Вюрмзее. Лишь изредка доносились издалека раскаты грома.

– Нам следует поблагодарить вас, брат, – торжественно произнес Карл Земер. – Если бы не вы, некоторые из нас уж точно заблудились бы в лесу.

– Совершенно идиотская затея – в такую грозу сворачивать с дороги и подниматься к монастырю по старой тропе, – проворчал брат Йоханнес и перекинул увесистый мешок с торчащими из него железными прутьями на другое плечо. – Вам повезло, что мне вздумалось поискать целебных трав, иначе волки и молнии от вас ничего не оставили бы.

– Сумерки сгущались, вот я и решил, что неплохо будет... э... срезать немного, – пробормотал бургомистр. – Признаю, я...

– Черт с ним, ладно.

Брат Йоханнес развернулся к паломникам и взглянул на большую белую свечу, которая до сих пор покоилась в жилистых руках плотника Бальтазара Гемерле.

– Чертовски тяжелая у вас свеча, – сказал он с одобрением. – Долго вы ее несете?

– Мы держим путь из Шонгау, – вмешался Симон.

Они с Магдаленой шли рядом с монахом. Сюртук молодого лекаря пропитался грязью, красные петушиные перья на новой шляпе переломались, и на кожаных ботинках из Аугсбурга, вероятно, придется менять подошву.

– Мы уже два дня в дороге, – продолжал он устало. – Еще вчера недалеко от Вессобрунна мы слышали, как выла стая волков, но нападать на нас они побоялись.

Брат Йоханнес пыхтел, взбираясь по крутому подъему через лес, и светильник в его руке покачивался из стороны в сторону, точно блуждающий огонек.

– Тогда вам крупно повезло, – проворчал монах. – Зверюги совсем обнаглели, в этих краях они уже двух детей и одну женщину разорвали. И потом, нам чертовы бродяги и бандиты покоя не дают. – Он быстро перекрестился. – *Deus nos protegat!* Господь да защитит нас в эти смутные времена.

Лес между тем расступился, и паломников уютным светом в окнах встретил Эрлинг, деревушка, расположенная на возвышении у самого подножия Святой горы. Симон с облегчением вздохнул и стиснул руку Магдалены: они невредимые добрались до цели – милость, доступная в это время далеко не каждому. Он очень надеялся, что у Петера и Пауля все было хорошо, хотя ввиду безграничной любви к ним бабушки с дедушкой сомнений у него на этот счет не возникало.

– Надеюсь, у вас уже есть место для ночлега, – проговорил брат Йоханнес. – Июньскими ночами тут довольно сыро, и в открытом поле спать вовсе не дело.

– Мы, советники, остановимся в постоялом дворе при монастыре, – сдержанно ответил бургомистр, кивнув на своего сына и Якоба Шреефогля. – Остальных, как было условлено, расселят по здешним подворьям. Все-таки поездка наша и общине пойдет на пользу, так ведь?

Брат Йоханнес тихо засмеялся; его и без того неприглядное лицо скривилось в гримасу. Симон снова обратил внимание на то, каким безобразным он был.

– Если вы про ремонт колокольни, то вынужден разочаровать вас, – ответил монах. – Крестьянам до состояния монастыря дела никакого нет. Но настоятель пообещал хлеб и мясо каждому селянину, который приютит каменщика или плотника, готового помочь со строительством. Так что в убытке вы не останетесь.

Земер удовлетворенно кивнул и потрепал гриву своей лошади.

– Вот и слава богу! – воскликнул он. – Слово даю: если Господь ниспошлет нам хорошую погоду, то и церковь совсем скоро будет готова.

Действительно, до Праздника трех причастий, одного из крупнейших паломнических торжеств Баварии, оставалась еще целая неделя. Но настоятель Маурус Рамбек посредством посыльных просил паломников близлежащих деревень приехать к Святой горе как можно раньше. Примерно месяц прошел с тех пор, как молния ударила в колокольню монастыря, отчего выгорела вся крыша и обрушилась большая часть южного нефа. И чтобы праздник прошел как полагается, требовалась помощь множества сильных рук. Настоятель пообещал ремесленникам отпущение грехов на год и хорошее вознаграждение, поэтому множество голодных работяг из окрестных селений с большой охотой отозвались на просьбу. Из Шонгау, помимо прочих паломников, отправились также четверо каменщиков и один плотник, а в Вессобрунне к ним присоединились еще два лепщика.

– Меня самого привели сюда, эмм... неотложные дела, – пояснил Карл Земер. – Но я уверен, эти благочестивые люди... – Он окинул взглядом толпу перепачканных горожан, затянувших как раз старый церковный хорал. – Уверен, они с удовольствием помогут вам в строительных работах.

В некоторых домах Эрлинга начали распахиваться окна и двери; селяне с недоверием взирали на группу паломников, залаяли несколько собак. Слишком много бед и несчастий причинили им чужаки за последние десятилетия, чтобы встречать теперь приезжих с распростертыми объятиями. Но за этих назойливых гостей жителей, по крайней мере, щедро вознаградят.

– А что это за свет там, наверху? – неожиданно спросила Магдалена и показала на монастырь, что темной громадиной возвышался над деревней.

– Свет? – растерянно переспросил брат Йоханнес.

– Свет на колокольне. Вы же сами говорили, что башня полностью сгорела и разрушилась. И все равно на самом верху ее горит свет.

Симон тоже взглянул на монастырь. Над церковным нефом, там, где молния ударила в колокольню, и в самом деле горел крошечный огонек, похожий скорее на слабый отблеск. Но не успел лекар присмотреться, как свет неожиданно погас.

Йоханнес прикрыл глаза ладонью и поморгал.

– Я ничего не вижу, – ответил он наконец. – Быть может, зарница. Наверху, во всяком случае, никого нет, ночью это слишком опасно. Башню хоть и восстановили по большей части, но верхняя площадка и лестница все еще в ужасном состоянии. – Он пожал плечами. – К тому же что там делать кому бы то ни было в такое время? Видом любоваться?

Монах засмеялся, но Симону показалось, что смех его звучал искусственно. Глаза у него сверкнули, и он поспешно отвернулся к другим паломникам.

– Предлагаю вот что: эту ночь вы все вместе проведете в большом сарае у трактирщика Гронера, а завтра мы расселим вас по домам и подворьям. А теперь позвольте раскланяться. –

Брат Йоханнес устало потер глаза. – Очень надеюсь, что юный мой подручный приготовил мне любимого карпа с жерухой.³ Спасение заблудившихся паломников пробуждает зверский аппетит.

В сопровождении трех советников монах побрел к монастырю, и в скором времени мужчины скрылись в темноте.

– Что теперь? – спросил Симон через некоторое время и вопросительно взглянул на Магдалену.

Остальные шонгауцы между тем направились с молитвами и песнопениями к недавно отстроенному сараю возле трактира.

Магдалена снова устремила взор к темной колокольне, после чего провела ладонью по лицу, словно пыталась разогнать дурное наваждение.

– А что еще? Пойдем туда, где нам и место. – Женщина угрюмо зашагала впереди Симона к самой окраине, где у опушки одиноко примостился низкий домик с дырявой крышей, поросшей мхом и плющом. От хлипкой телеги, стоявшей перед дверью, шел запах разложения. – Мы в отличие от других знаем тут кое-кого.

– Вот только кого, – пробормотал Симон. – Паршивого живодера и дальнего родственника твоего отца. Ну да, чудная ночь...

Он задержал дыхание и последовал за Магдаленой; она решительно постучала в дверь к живодеу Эрлинга. Лекарь в очередной раз возблагодарил Бога за то, что они оставили детей у дедушки в Шонгау.

На колокольне снова загорелся свет. Точно злобное большое око, он еще раз прорезал тьму, словно искал что-то в лесах долины.

Однако ни Симон, ни Магдалена его не заметили.

* * *

Человек на башне вцепился в обугленную балку, и порыв ветра разметал его волосы. На горизонте сверкали молнии: большие и маленькие, прямые и надломленные... здесь, на самом верху, власть Господа ощущалась особенно. Или это иная власть? Та, что была много сильнее того доброго и благосклонного Творца, который думал, будто любовь исцелит человечество, а собственного сына оставил помирать на кресте?

Любовь.

Он язвительно рассмеялся. Как будто любовь на что-то годится! Могла она спасти жизнь человеку? Или пережить смерть? Если да, то лишь стрелой в груди – раной, что гноилась и нарывала, – въедалась внутрь, пока не оставалось ничего, кроме пустой оболочки. Бренного тела, кишачего червями.

Безжизненным взором человек взглянул на горстку паломников далеко внизу. Они тащились сгорбленные под дождем с молитвами и благочестивыми песнями – и вера их была так сильна, что он мог ее буквально чувствовать. На башне он ощущал ее наиболее явственно – как молнию, как перст небесный, что наполнял его божественной силой. Довольно долго он думал над тем, как мог воплотить в жизнь свою мечту. Теперь цель почти достигнута.

Он поставил светильник на пол, огляделся и принялся за работу.

³ Жеруха обыкновенная (жеруха лекарственная, водяной кресс) – быстрорастущее многолетнее водное или полуводное растение семейства капустные; издревле используется как листовый овощ.

2

Воскресное утро 13 июня 1666 года от Рождества Христова, в Шонгау

– Проклятие, убери свои грязные лапы с моей любимой ступки, иначе спать без каши отправлю!

Палач Шонгау сидел дома за столом и пытался отвадить своего трехлетнего внука Петера, который вознамерился съесть растертые травы из старинного каменного горшка. Травы хоть и не были ядовитыми, но даже Куизль не мог сказать, как смесь из арники, зверобоя, меума и крапивы подействует на малыша. В худшем случае мальчику грозил понос, что, ввиду небольшого количества еще чистых пеленок, ввергало палача в ужас.

– И братцу своему скажи, чтоб кур оставил в покое, или я самолично ему башку проломлю!

Пауль, которому едва исполнилось два года, ползал по пахучему тростнику, расстеленному на полу и под столом, и со смехом тянулся ручонками за курами, отчего те с кудахтаньем носились по комнате.

– Да черт бы вас побрал!

– Ты слишком уж строг с ними, – донесся вдруг слабый голос с кровати, поставленной рядом. – Вспомни нашу Магдалену, когда она была маленькой. Сколько раз ты говорил ей, чтобы она не ошипывала кур живьем, а она все равно делала это.

– И каждый раз хорошенько за это получала.

Куизль с ухмылкой повернулся жене, но, увидев ее бледное лицо и круги под глазами, сразу же посерьезнел. Прошлой ночью Анна-Мария слегла с тяжелой лихорадкой. Она заболела совершенно внезапно и теперь лежала, сотрясаемая ознобом, под тонким шерстяным одеялом и несколькими волчьими и медвежьими шкурами. Приготовленное палачом лекарство, разбавленное медом и водой, должно было немного облегчить симптомы.

Куизль беспокойно взглянул на жену. Последние годы не прошли для нее бесследно: в неполные пятьдесят лет она хоть и была еще красивой женщиной, но по лицу ее уже пролегли глубокие морщины. Некогда блестящие черные волосы потускнели и перемежались теперь седыми прядями. Бледная и закутанная в несколько шкур, так что виднелась лишь голова, она напоминала палачу белую розу, которая начала увядать после долгого лета.

– Попробуй поспать немного, Анна, – заботливо проговорил Куизль. – Сон лучше всякого лекарства.

– Поспать? Каким образом?

Анна-Мария тихо засмеялась, но смех сразу перешел в кашель.

– Ты тут бранишься на чем свет стоит, – добавила она затем хриплым голосом. – А малыши все наши горшки опрокинут, если их кто-нибудь не остановит. Главе семейства и невдомек ведь.

– Какого черта...

И верно, маленький Петер, пока палач не видит, вздумал залезть на лавку возле печи, чтобы оттуда добраться до компота из прошлогоднего урожая. Он как раз вскарабкался на сиденье и взялся за один из горшков с разваренными вишнями. Горшок выскользнул из его ладоней и с грохотом упал на пол. Содержимое его расплескалось во все стороны, и вся комната стала похожа на место неудавшейся казни.

– Дедушка, смотри, тут кровь.

Петер с широко раскрытыми глазами показал на лужу под ногами, потом обмакнул в нее палец и лизнул.

– Хорошая кровь.

Куизль схватился за голову и снова выругался. В конце концов он, недолго думая, схватил мучителей за шиворот и под их же громкие протесты выставил обоих в сад. Дверь с грохотом захлопнулась, и палач принялся собирать с пола раздавленные вишни, при этом перепачкавшись сам с ног до головы красным соком.

– Надеюсь, в колодец оба свалятся, – бормотал он. – Спиногрызы проклятые.

– Не говори так, – возразила Анна-Мария с постели. – Симон с Магдаленой никогда не простят нам, если с малышами что-нибудь случится.

– Симон с Магдаленой! – Куизль смачно сплюнул на тростник. – Слышать о них не желаю! И что вздумалось этим двоим ошиваться под Святой горой... Целую неделю! – Он покачал головой и вытер руки о поношенный кожаный фартук. – Двух молитв в базилике Альтенштадта вполне хватило бы. По одной на каждого мальчика.

– Господь смилостивился над нами, и нам следует его поблагодарить, – напомнила ему жена. – Тебе и самому паломничество не помешало бы, учитывая, сколько на твоих руках крови казненных.

– Если она на моих руках, то это можно сказать и обо всех наших советниках, будь они неладны, – проворчал Куизль. – До сих пор я исправно вешал для них воров и убийц. Один лишь Господь нам судья.

Анна-Мария снова закашлялась и устало закрыла глаза.

– Мне сегодня не настолько хорошо, чтобы спорить с тобой.

Снаружи вдруг послышались шаги, и кто-то забарабанил в дверь. Куизль открыл: на пороге стояла знахарка Марта Штехлин и держала за руки орущих внуков.

– Ты в своем уме, Куизль? Я их возле пруда... – начала было она, как вдруг увидела красные пятна на рубахе палача и воскликнула: – Господи! Ты и дома уже людей убивать начал?

– Да нет же. – Палач смутился и пригладил черные волосы, в которых уже проступила седина. – Это вишневый сок. Сорванцы опрокинули горшок с компотом, вот я и выставил обоих.

Штехлин засмеялась, но затем глаза ее сверкнули.

– Нельзя оставлять малышей одних на улице! – ругнулась она. – Вспомни сына Губера, который этой весной в Лехе утонул. А маленькому Гансу, сыну трактирщика в Альтенштадте, недавно повозка ноги раздавила... И чего ж вы, мужчины, такие глупые? Дурни бестолковые!

Якоб закрыл глаза и тихо застонал. Не считая жены и дочери, Штехлин была единственным человеком, кто мог вот так разговаривать с палачом Шонгау. Знахарка довольно часто заносила Куизлю каких-нибудь трав, а за это брала у него немного растертого дурмана или несколько унций человеческого жира для пациенток – или же листала его книги по врачеванию. Библиотека палача и его целительские умения славились далеко за пределами города.

– Это все, зачем ты пришла? – вскинулся Куизль на знахарку. – Чтобы побранить меня, как прачка?

– Балда! К больной жене твоей пришла, зачем же еще?... – Она завела плачущих детей в дом и отвязала с пояса истертый кожаный мешочек. – Вот, плаун, тысячелистник и зверобой принесла, чтобы жар сбить.

– Зверобой и у меня есть, – проворчал палач. – Но пожалуйста. Помощи я всегда рад.

Он посторонился, и Штехлин прошла в комнату, где лежала Анна-Мария с закрытыми глазами: вероятно, она снова заснула. Знахарка смочила разгоряченное лицо женщины, после чего обратилась к палачу:

– А близнецы-то вообще где? Уж хоть Барбара могла бы за племянниками присмотреть.

Куизль ворчливо уселся обратно за стол и снова принялся растирать травы в ступке. Движения его были размеренные и привычные.

– Барбару я в лес отправил, мелиссу собирать, – проворчал он. – Моя жена, ей-богу, не одна с лихорадкой лежит, люди мне весь порог уж стоптали! А Георг повозку чистит, там живого места от грязи с кровью не осталось. – Куизль растер в мозолистых пальцах горстку сушеных трав и задумчиво высыпал ее в ступку. – Это все-таки его обязанность. Если я снова увижу, что парень слоняется у реки, такую трепку ему задам, какой он ввек не забудет.

Штехлин тихо засмеялась.

– Ах, Якоб, – возразила она. – Мальчишке всего тринадцать. У них что угодно на уме, но уж точно не уборка. Вспомни собственную юность. Что ты сам делал в тринадцать лет?

– На войну отправился, шведам кишки выпускал. У меня не было времени на безделье. Затянулось неловкое молчание.

– Так или иначе, но внуков одних на улице оставлять не стоит, – добавила наконец Штехлин. – Возле пруда двое Бертхольдов ошивались, и я бы на твоём месте поостереглась немного.

Куизль опустил пестик в ступку и снова принялся за работу.

– Ты это о чем?

– О чем это я? – Знахарка снова тихо засмеялась. – Ты и сам отлично знаешь. С тех пор как ты пару недель назад поймал старшего Бертхольда на складе с мешками зерна, они поклялись отомстить кровью.

– Я просто сказал ему, что это не его зерно и чтобы он убрал от него руки.

– И для этого тебе понадобилось сломать ему два пальца?

Палач усмехнулся:

– Это чтобы запомнил, паршивец. Если бы я рассказал все совету, господа приговорили бы его к порке и колодкам. Я вообще-то таким образом собственного заработка лишился.

Штехлин вздохнула.

– Пусть так. В любом случае будь осторожен. Хотя бы ради детей. – Она серьезно взглянула на палача. – Я видела взгляды этих молодчиков, Якоб. Злобные, как глаза самого Люцифера.

– Черт бы их побрал!

Куизль с такой силой вдавил пестик в ступку, что даже внуки взглянули на него испуганно. Они знали дедушку и уяснили, что он мог гневаться. Сейчас он был особенно зол, и малыши сочли за лучшее притихнуть на какое-то время.

– Недоноски все эти Бертхольды! – прорычал Куизль. – Только потому, что их отец до самой смерти заседал пекарем в совете, они решили, что могут себе все позволить. А брат наш должен грязь с улиц вычищать и рот держать на замке! Но теперь с этим покончено! Если я снова поймаю ублюдка на складе, не то что два пальца, обе руки ему сломаю. А если они моих внуков тронут...

Он запнулся и сжал кулаки, так что хрустнули пальцы. А малыши все так же молча разглядывали дедушку.

– Если Бертхольды хоть пальцем тронут моих внуков, – продолжил палач уже тише, и голос его стал резким, как остро отточенный клинок, – то я им все кости колесом перелломаю, животы вспорю и кишки вывешу с тюремной башни. Или не бывать мне Куизлем.

Когда он заметил, что малыши смотрят на него с испугом, лицо его тут же преобразилось, и рот растянулся в добродушной улыбке.

– Ну, засранцы, кто хочет поиграть с дедушкой в лошадок?

Симона разбудил хрип над самым его ухом. Он повернулся на колючей, кишащей блохами соломенной постели и увидел бледное лицо Магдалены. Она как раз вытирала рот ладонью.

– Чертовы колики, – просипела дочь палача. – Который день уже живот крутит.

Она попыталась подняться, но в ту же секунду со стоном опустилась обратно на лавку.

– И голова кружится немного.

– Неудивительно, в таком-то дыму. – Симон закашлялся и взглянул на прикрытую дверь, сквозь щели которой тянулись черные клубы дыма. – Вшивый твой родственник даже нормальную печь позволить себе не может. И ведь приходится ночевать у какого-то обдиралы, только потому что он случайно оказался родственником твоего отца...

– Тсс!

Магдалена прижала палец к губам, и в комнату вошел Михаэль Грец. Живодер Эрлинга был человеком тощим и чахоточным, и вряд ли кто-то мог предположить, что он, хоть и в третьем поколении, приходился родственником громадному палачу Шонгау. Рубаха его была изодрана и перепачкана сажей, борода растрепалась, и зубы черными угольками выделялись на худом лице. Лишь глаза его лучились добродушием, когда он протянул гостям дымящуюся деревянную миску.

– Вот, ешьте, – пробормотал он и попытался криво улыбнуться. – Перловая каша с медом и грушами. Готовлю только по праздникам или когда любимая Козина меня навещает.

– Спасибо, Михаэль. Но я в такую рань, наверное, и ложки не съем.

Магдалена поежилась и взяла миску, чтобы погреть руки. Солнце едва взошло, и в открытое окно тянулся туман из леса, где-то поблизости блеяла коза. Хоть лето и вступило в свои права, женщина дрожала от холода.

– Это самый холодный июнь на моей памяти, – проворчала она.

Грец беспокойно взглянул на родственницу.

– Да, сейчас не то чтобы тепло. Но холод, судя по всему, изнутри идет. – Он быстро перекрестился. – Будем надеяться, ты не подцепила эту проклятую лихорадку, что носится сейчас по окрестностям. Два наших крестьянина и служанка из Махтльфинга уже померли этим летом.

– Что ты несешь такое? – ругнулся Симон. – У Магдалены с животом плохо, вот и всё. Немного аниса и лапчатки снова поставят ее на ноги.

Лекарь украдкой посмотрел на жену; она снова закуталась в тонкое дырявое одеяло. Они спали вдвоем в одной комнате: Грец – на жесткой лавке, а Симон с Магдаленой – на шаткой койке возле печи. Симон бездумно зачерпнул ложкой горячую кашу и вознес про себя молитву небесам. Михаэль Грец прав: вот уже несколько дней Магдалена была бледной на вид, и под глазами появились темные круги. Оставалось только надеяться, что она действительно не подхватила лихорадку. Лекарь по собственному опыту знал, что люди еще утром могли жаловаться на обыкновенный насморк, а к вечеру уже лежать при смерти.

– Я приготовлю тебе отвар, – сказал Симон, больше для собственного успокоения, и зачерпнул еще одну ложку из миски. Каша оказалась на удивление вкусной: в меру сладкой и сытной, как десерт для избалованных советников. – Лекарство из лапчатки, аниса, ромашки и, быть может, чистотела немного... – пробормотал он.

Лекарь неуверенно оглядел комнату, занимавшую почти весь первый этаж дома. Всю обстановку ее составляли шаткий стол, две скамейки, кровать, старый сундук и сколоченный собственными руками крест в углу.

– У тебя дома этих трав, как я полагаю, нет? – с сомнением спросил Симон живодера. – Засушенные, может, или размолотые?

Михаэль Грец покачал головой.

– Ромашка растет у меня в саду, а вот остальное... – Он пожал плечами. – С тех пор как жена моя и любимые дети умерли от чумы три года назад, я живу совсем один. Снимаю шкуры с мертвых коров и лошадей и отношу их кожевнику в Хершинг у Аммерзее. Дорога туда неблизкая, и времени, кроме как на грядку свеклы и капусты за домом, не остается.

– Ладно тебе, – проговорила Магдалена. – Скоро пройдет. Вот посижу на скамейке перед домом, погреюсь на солнышке...

– Нигде ты не посидишь, – перебил ее Симон. – Будешь лежать тут, пока я не принесу тебе травы. Вот только где... – Лицо его вдруг просияло. – Точно, тот безобразный монах с прошлой ночи! Он же сам говорил, что собирал целебные травы. Пойду к монастырю и спрошу, где его найти. Мне все равно еще кое-что нужно раздобыть. У Андре Лоша сильный кашель, а у Лукаса из Альтенштадта воспаленная рука никак не заживает.

Он быстро отправил в рот очередную ложку вкусной каши, затем разгладил измятую одежду и направился к двери, с наигранной строгостью воздев палец.

– И даже не думай вставать! В монастырь ты можешь и потом сходить. Радуйся, что у тебя есть цирюльник, который с тобой бесплатно возится.

– Да-да, хорошо, господин цирюльник. – Магдалена снова легла в кровать. – И раз уж идешь, то принеси немного розмарина и свежего тростника. В этом доме воняет, как в брюхедохлой лошади. Неудивительно, что мне так поплохело.

* * *

Когда Симон покинул дом живодера, солнце как раз взошло над верхушками леса. Над росистыми лугами стелился туман, и день сулил приятное тепло. Крестьяне на полях собирали скудный урожай озимого ячменя.

Симон застегнул сюртук и по узкой, размытой ночным дождем тропинке зашагал от лесной опушки в сторону деревни. Год выдался слишком холодный, до самого мая стояли заморозки, а в последние недели на предгорья Альп обрушилась непогода с проливными дождями и градом, побившим и без того скудно растущие поля. Крестьяне молили Господа, чтобы следующие месяцы были посуше: пережить скорую зиму могли только те, чьи амбары были полны зерна.

Дорога сначала миновала амбар у восточной окраины, после чего резко забирала вверх, к монастырю. За низкой оградой раскинулась обширная территория со всевозможными строениями. Справа располагались несколько хранилищ, окруженных яблонями и сливами. Слева к широкому и грязному переулку жались несколько бревенчатых домов, из труб которых валил густой белый дым; в открытой пристройке кузнец звонко молотил по наковальне. Затем следовала низкая пекарня, окутанная ароматом свежего хлеба, выбеленная таверна и высокое каменное здание, за которым вырастали наконец стены внутреннего двора – настоящего лабиринта, на вершине которого высилась церковь.

Симон увидел нескольких паломников в простых одеждах и с посохами. С молитвами и песнями они шагали группами к монастырю: либо намеревались побывать в церкви с утра пораньше, или просто надеялись на бесплатный завтрак. Среди них было и несколько бенедиктинцев в черных рясах. Другие монахи трудились на высаженных рядом грядках или катили груженные бочками тележки к верхним воротам монастыря. Симон остановил одного из них и спросил насчет брата Йоханнеса.

– Аптекарь-то? – Монах взглянул на лекаря с ухмылкой. – Насколько я знаю этого страшилу, он еще спит – и храпит во всю глотку. Его и на утренней молитве не было. Да настоятель ему покажет еще... Одначе можешь попытаться счастья. – Он показал вниз на маленький неприметный домик возле хранилищ. – Только стучи погромче. Иначе он до обедни прорыхнет.

В скором времени Симон уже стоял перед домом аптекаря у подножия монастыря. Он представлял собой низкое строение с узкими окнами и тяжелой дубовой дверью. Не успел лекарь постучаться, как изнутри послышались громкие голоса. Они принадлежали двум мужчинам, которые, по всей видимости, яростно о чем-то спорили. Наружу доноси-

лись лишь приглушенные выкрики. Симон нерешительно постоял перед входом, как вдруг голоса начали приближаться, сопровождаемые стуком.

В следующий миг дверь с грохотом распахнулась, и на улицу вышел тощий, одетый в черное бенедиктинец; лицо у него покраснелось от злости, а в правой руке он держал украшенную слоновой костью трость, которой размахивал, точно шпагой. Симон заметил, что монах подволакивал одну ногу, а под рясой у него выступал небольшой горб. Ссутулившись, калека, этот злобный и вызывающий сострадание человек, заковылял прочь и вскоре скрылся среди яблонь.

Симон настолько был пленен этой сценой, что не сразу заметил, как за монахом последовал еще кто-то. Развернувшись, лекарь прямо перед собой увидел безобразное лицо аптекаря.

– Да? – проворчал брат Йоханнес.

Монах стоял в дверях и недоверчиво смотрел на Симона. Вид у него был затравленный и напуганный, лицо бледное, как лунный свет. Недавний спор и его, по всей видимости, сильно взволновал. В конце концов монах все-таки узнал лекаря.

– Пресвятая Дева! – воскликнул он с удивлением. – Один из паломников, что заблудились прошлой ночью, так ведь? Послушайте, если вы пришли поблагодарить меня, то сейчас не лучшее время. Я бы предложил вам прийти...

– У меня жена заболела, и мне срочно нужны анис и лапчатка, – тихим голосом перебил его Симон. – И еще кое-какие травы. Вы мне поможете?

Поначалу монах, казалось, хотел отправить незваного гостя куда подальше, но потом, видимо, передумал.

– Ладно уж, – проворчал он. – Так и так придется сейчас же настоятельно сообщить. Да и слухи, наверное, уже поползли.

– Какие слухи? – поинтересовался Симон. – Это как-то связано с тем спором, что вы вели до этого с братом? Не то чтобы я услышал что-нибудь, просто...

Но брат Йоханнес уже скрылся в доме. Симон пожал плечами и вошел вслед за ним в низкую комнату, освещенную полудюжиной сальных свечей. Узкая полоса света пробивалась сквозь ставни и падала на громадный шкаф у противоположной стены. Каждый из его бесчисленных выдвижных ящиков был снабжен рукописной табличкой из пергамента. Со стороны шкафа веяло чарующим ароматом трав – Симон уловил запахи шалфея, розмарина, календулы и ромашки. Но, как ему показалось, к ним примешивался сладковатый душок, от которого лекаря затошнило. Пахло не иначе как...

– Что, говорите вы, нужно вам для жены? – спросил неожиданно брат Йоханнес. – Лапчатка?

– Да, и анис. – Лекарь снова повернулся к безобразному монаху. – У нее колики в животе и тошнит немного. Надеюсь, ничего серьезного.

– Да поможет ей Бог. Ладно, посмотрим...

Брат Йоханнес втиснул окуляр в правый глаз, отчего лицо монаха, и без того ужасное, стало еще непригляднее. Затем он прошелся задумчиво вдоль шкафа и выдвинул наконец один из ящиков на уровне лица. Спор с маленьким монахом аптекарь, по всей вероятности, уже забыл.

– Лапчатка и в самом деле чудное средство от колик, – пробормотал он, вынимая связку трав. – Хотя я бы скорее наложил компресс на печень и взял смесь горечавки, золототысячника и полыни. Вы знаете, в каких пропорциях следует давать травы? Не забывайте: *Dosis facit...*

– *Venenum*. Лишь доза делает яд незаметным. Я в курсе. – Симон кивнул и протянул монаху руку. – Простите, если я еще не представился. Меня зовут Симон Фронвизер. Я

цирюльник из маленького Шонгау, по ту сторону Хоэнпайсенберга. Изречение Парацельса о верных дозах я едва ли не каждый день внушаю моим пациентам.

– Цирюльник, и говорит на латыни?

Брат Йоханнес улыбнулся и пожал руку собеседника. Хватка у него была такая, словно монах всю жизнь провел возле наковальни. С окуляром на глазу он походил на бесформенного циклопа.

– Нечасто такое встретишь. Тогда вам наверняка известен и «*Macer floridus*»⁴ с описанием восьмидесяти пяти важнейших лечебных трав?

– Разумеется.

Симон кивнул и сложил высушенные травы в кожаный мешок.

– Я обучался медицине в Ингольштадте. К сожалению, мне не удалось получить место лекаря. Так уж... сложились обстоятельства.

Он замялся. Монаху незачем было знать, что деньги, выделенные на учебу, Симон истратил на карточные долги и дорогую одежду.

Лекарь не без одобрения огляделся в затемненной комнате. Обставлена она была в точности как он представлял себе собственный свой кабинет. Большой аптечный шкаф, возле него кафедра для записей, и по стенам – крепкие дубовые полки с горшками и настоями. Низкий проход вел в соседнюю комнату, служившую, видимо, лабораторией. Симон разглядел в полумраке камин, в котором тлели несколько поленьев, на подоконнике стояли несколько закоптелых колб. Перед окном стоял громадный мраморный стол, и на нем лежало нечто длинное и бесформенное, лишь наскоро прикрытое полотном.

Из-под покрывала торчала чья-то бледная нога.

– Господи! – прошептал Симон. – Это же...

– Мой подручный Келестин, – вздохнул монах и вытер пот со лба. – Крестьяне принесли мне его перед восходом. Несчастный должен был прошлым вечером выловить мне карпа из пруда возле леса. И что делает этот болван? Падает с мостика и тонет, как котенок. А потом еще приходит шарлатан Виргилиус и предлагает...

Он замолчал на полуслове и помотал головой, словно желая разогнать дурные мысли.

Симон осторожно шагнул к лаборатории и принюхался. Теперь он понял, что за сладковатый запах учуял до этого.

Так начинает разлагаться труп.

– Можно? – неуверенно спросил молодой Фронвизер и показал на тело под покрывалом.

Покойники всегда странным образом привлекали внимание лекаря. Безжизненные и отекавшие, они были словно анатомические манекены, дарованные миру Господом, чтобы продемонстрировать на них чудеса человеческого тела.

– Конечно-конечно, – ответил брат Йоханнес, снял окуляр и спрятал его за пазухой. – Раз уж мы с вами в некотором роде коллеги, то взгляд со стороны ни в коем случае не будет лишним. Но там действительно нет ничего необычного. Уж и не знаю, сколько утопленников я в своей жизни повидал...

Он вздохнул и перекрестился.

– Человек все-таки не рыба. Иначе Господь снабдил бы его для дыхания жабрами и плавниками, чтобы не тонуть.

Симон с любопытством откинул мокрое покрывало и взглянул на бледное, чуть синеватое тело юного Келестина. Кто-то из добросердечных крестьян прикрыл его глаза и положил на них две старые монетки, но рот остался открытым, как у задыхающегося карпа. В жидких волосах вокруг тонзуры застряли листья и водоросли, и зеленые мухи с гулом кру-

⁴ «О свойствах трав» (лат.).

жили над разлагающимся трупом. Рясу с мертвого послушника никто не снял, и она висела на нем, словно мокрый мешок.

– Я хотел побыть с ним немного наедине, – пояснил монах севшим голосом. – Он ведь два года был мне верным помощником. Мы много пережили вместе, и доброго, и плохого... – Он вздохнул. – Но теперь мне, наверное, пора к настоятелю. Так что забирайте ваши травы и...

– Тут синяки.

– Чего?

Брат Йоханнес растерянно взглянул на лекаря, а тот показал на ключицу покойника.

– Тут синяки. Как на левом, так и на правом плече. – Симон с треском разорвал мокрую рясу. – Вот, и на груди тоже.

– Ударился, наверное, о воду, когда упал, – предположил монах. – Что же тут такого?

– До синяков ушибиться о мягкую воду? – нахмурился Симон. – Вот уж не знаю.

Он принялся скрупулезно осматривать тело и на затылке нашел наконец что искал.

– Так я и думал, – пробормотал он. – Большая шишка. Вероятно, кто-то хорошенько ударил вашего подручного. А потом, наверное, держал под водой, пока тот не захлебнулся.

– Убийство? – прошептал брат Йоханнес. – Вы действительно так думаете?

Симон пожал плечами.

– Убийство или несчастный случай, этого я сказать не могу. Но без участия кого-то постороннего в любом случае не обошлось. Быть может, он подрался с кем? Или его ограбили?

– Чепуха! Монах не станет драться. Да и с какой стати... – Йоханнес запнулся и упрямо помотал мясистой головой. – Конечно, у нас тут всякий сброд ошивается, но славный Келестин всего-навсего послушник в тонкой рясе! У него не было с собой ни денег, ни ценностей.

Толстый монах поднял палец и добавил немного нараспев:

– Что завещал нам святой Бенедикт? Чтобы никто не смел иметь что-либо в виде собственности, никакой вообще вещи, ни книги, ни дощечки для письма, ни грифеля, ни вообще чего-либо. И кто же мог пожелать плохого Келестину?

– А может, у него были враги, в деревне или в монастыре? – поинтересовался Симон.

Брат Йоханнес рассмеялся так громко, что округлый живот его заколыхался из стороны в сторону.

– Враги? Господи, мы же монахи! Мы не распускаем язык, не ворует и, так уж было угодно небесам, не гоняемся за женщинами. И к чему весь этот допрос? – Он вдруг прищурил глаза. – Но вот что я скажу вам, господин цирюльник. Если вы настолько уверены в своих словах, то пойдемте со мной к настоятелю и все ему объясните. Брат Маурус человек умный и начитанный; ему решать, отчего умер юный Келестин. – Монах угрюмо направился к выходу, проворчав: – Если вы, по мнению настоятеля, окажетесь правы, то можете распоряжаться в моей аптеке, как в своей собственной. Слово даю. А теперь идите уже, пока чертовы мухи моего послушника не сожрали.

Выругавшись вполголоса, Симон поспешил следом. Черт дернул его язык распускать! Ведь он как можно скорее хотел вернуться к Магдалене.

Когда лекарь оглянулся в последний раз, одна из мух залетела Келестину прямо в рот и начала там жужжать. Звук был такой, будто мертвый послушник что-то бормотал себе под нос.

* * *

Магдалена сидела на скамейке перед домом живодера и с возрастающей злостью дожидалась возвращения Симона. Он ушел больше часа назад! Что он делает там так долго? Ско-

рее всего, болтает с этим святошей о каком-нибудь альрауне или волчнике, а про нее совершенно забыл.

Она нетерпеливо взглянула на Михаэля Греца; тот как раз сгружал с повозки труп лошади и, несмотря на тяжелую работу, напевал пехотную песенку. Живодер, казалось, пребывал в полном согласии с собой и миром. Рядом с ним стоял коренастый молодой человек и с помощью троса подтягивал лошадь к деревянной площадке. От Греца она узнала, что это его помощник Маттиас.

Магдалена невольно вспомнила про своего отца – он тоже убирал в Шонгау трупы животных с улиц. При виде одетого в лохмотья родственника она в который раз уже поклялась себе, что ее детям выпадет лучшая судьба. Они не будут бесчестными палачами или живодерами, а станут врачами и цирюльниками, каков есть их отец.

Сухой конский навоз защекотал ноздри, и Магдалена вдруг чихнула. Михаэль Грец беспокойно на нее покосился.

– Святой Власий да убережет тебя от лихорадки, – пробормотал он.

– Брехня! – прошипела Магдалена и хорошенько высморкалась в кусок материи. – Я просто чихнула, вот и всё. Прекратите уже вести себя, будто у меня чума.

Крепкий помощник ухмыльнулся и издал невнятный звук, который Магдалена расценила как смех.

– Что такое? – рыкнула она. – Что во мне такого смешного? Сопля из носа торчит? Ну, выкладывай, весельчак!

– Маттиас не может тебе ответить, – сказал живодер вместо помощника. – У него языка нет.

– Чего у него нет?

Грец развел руками и с сочувствием посмотрел на крепкого мужчину, который снова с головой ушел в работу.

– Хорватские солдаты отрезали ему язык, когда он был еще мальчишкой, – пояснил живодер вполголоса. – Они хотели выпытать у его отца, трактирщика Фридинга, где он спрятал свои сбережения. – Он вздохнул. – А у бедняги при этом ничего не было! В конце концов его повесили на здешнем висельном холме, а мальчика заставили смотреть.

Магдалена с ужасом уставилась на рослого помощника.

– Господи! Мне так жаль, я не знала...

– Будет тебе. Он тебя уже простил. Маттиас славный парень. Нелюдимый немного, но мы и так по большей части с мертвой скотиной время проводим...

Грец засмеялся, а помощник поддержал его сиплым клекотом и лукаво подмигнул Магдалене. У него было красиво очерченное лицо, густые золотистые волосы, и под рубахой бугрились мускулы, как у кузнеца.

«Не отрезали бы тебе язык, ты был бы настоящим щеголем, – подумала вдруг Магдалена. – Хоть некоторым из мужчин я бы и посоветовала молчать почаще».

– Тогда прошу простить меня, – сказала она и поднялась. – Думаю, ноги разомну немного. Симона все равно не дождешься.

Магдалена кивнула напоследок безмолвному Маттиасу и зашагала по тропинке в сторону деревни. В ту же секунду послышался колокольный звон.

– Ты куда собралась? – крикнул ей вслед Михаэль Грец. – Муж сказал тебе...

– Мало ли что он мне сказал! – огрызнулась Магдалена. – Если б я действительно заболела, он не тратил бы столько времени на болтовню с аптекарем. Занимайся мертвой лошадей, а живых оставь в покое!

Она устремилась к монастырю, где с наступлением утра проходу не было от ремесленников и паломников. Ходьба и свежий воздух пошли ей на пользу. Запах в доме живодера

слишком сильно напоминал ей собственный кров в Шонгау, а с ним и злобные взгляды, и шепот за спиной. И то чувство, каково это – всю жизнь быть неприкасаемой...

Без всякого на то намерения Магдалена взошла на холм и теперь стояла на широкой монастырской площади, прямо перед церковью. Вблизи повреждения после удара молнии были еще хорошо заметны. Крыша колокольни почти полностью сгорела, и в потолке бокового нефа зияла громадная дыра. Всюду сновали каменщики в запачканных известью фартуках, коренастые плотники и батраки: они таскали камни, возводили новые стены или штукатурили уже выстроенные. На самом краю площадки Магдалена увидела Бальтазара Гемерле, плотника из Альтенштадта, который о чем-то беседовал с патрицием Якобом Шреефоглем. Заметив Магдалену, советник из Шонгау поманил ее к себе.

– У вас бледный вид, – сказал он с беспокойством. – Вам нездоровится?

– Благодарю, – резко ответила Магдалена. – У меня есть уже в няньках муж и родственник. Этого хватит.

Она кивнула на церковь, башня которой еще стояла обставленная лесами, и, покачив головой, сказала:

– Даже не верится, что молния способна на такое... Судя по всему, колокольня вряд ли будет готова к празднику.

– Времени и вправду в обрез, – проворчал Бальтазар Гемерле. – Всего семь дней. Едва успеем починить самые скверные места. – Он кивнул на советника. – И все же господин Шреефогль уверил нас, что уже завтра нам доставят новые кирпичи из его гончарни в Шонгау.

Магдалена взглянула на молодого патриция.

– Тогда по крайней мере вам молния принесла прибыль. Не так ли, господин Шреефогль?

– На этот счет не беспокойтесь. Я продаю их по заниженной цене, – успокоил ее Якоб. – В Аугсбурге или Ландсберге я выручил бы в разы больше. Вот кто действительно хорошо поживился, так это наш славный господин бургомистр... – Он заговорщицки подмигнул и понизил голос. – Он продал в монастырскую таверну тридцать бочек больцанского вина, кроме того, воск для свечей, соленую рыбу с Норвежского моря и отпечатанные за бесценок просительные письма, которые всучит паломникам. Праздник трех причастий для Земера лучше всякой ярмарки.

Магдалена присвистнула сквозь зубы.

– Вот так новость... А я еще удивлялась, чего это старый толстосум в паломничество собрался. И чтоб непременно прошлой же ночью, в непогоду, добраться до Святой горы...

– Потому что боялся, как бы его не опередили торговцы из Мюнхена и Аугсбурга. – Шреефогль усмехнулся. – Теперь благочестивый паломник торгуется с клепаром в монастырском трактире. И кто-то из Виттельсбахов тоже заинтересовался товарами Земера. Хотя я не понимаю, что княжеская семья нашла во всем этом хламе.

Магдалена задумчиво кивнула, упоминание о вчерашней ночи пробудило в ней воспоминания об увиденном в разрушенной колокольне свете. Она прикрыла глаза от солнца и посмотрела наверх.

– А там уже работает кто-нибудь? – спросила она с любопытством.

– В колокольне? – Плотник Бальтазар покачал головой. – Леса хоть и поставили уже, но мы туда пока не добрались. Предстоит куча работы. Молния прямо в верхушку ударила, там теперь лишь обломки и горелые доски. Удивительно, как до сих пор колокола не рухнули.

Магдалена вспомнила вдруг, как изменилось поведение брата Йоханнеса прошлой ночью, когда она спросила, мог ли кто-нибудь подняться на колокольню с факелом. Что ответил тогда монах? *Что там делать кому бы то ни было в такое время? Видом любоваться?*

Магдалена снова устремила взор на башню. Она с детства не терпела, если кто-то пытался от нее что-нибудь скрыть. И теперь что-то подсказывало ей, что брат Йоханнес что-то недоговаривал. У нее вдруг снова закружилась голова, и она оперлась на плечо советника.

– Вам бы и вправду прилечь немного, – предостерег ее Шреефогль. – У моей супруги, да сохранит Господь ее душу, под конец были такие же круги под глазами, как у вас.

– Проклятие, есть тут хоть кто-нибудь, кто не считает меня покойником? – Магдалена в ярости отвернулась. – Счастливо оставаться! И если встретите моего муженька, цирюльника бестолкового, передайте ему, пусть сам свои лекарства пьет. А я помолюсь пойду!

Магдалена оставила озадаченных мужчин и зашагала к монастырской церкви. Она хоть и не отличалась такой беззаветной верой, как многие другие жители Шонгау, но в Андекс отправилась с твердым намерением поблагодарить Господа за благополучно прожитые годы. Так почему бы прямо сейчас не начать молитвы? Тем более при нынешнем ее самочувствии... Быть может, опасения Симона были не так уж и беспочвенны.

Она прошла вдоль южной церковной стены, больше всего пострадавшей от пожара. Каменная стена обрушилась и покрылась копотью, дыру в крыше на скорую руку затянули полотном, и в церковь тонкими лучами пробивался солнечный свет. Магдалена глубоко вдохнула и вошла в старинное готическое здание, где монахи уже навели относительный порядок. После утренней службы людей внутри осталось очень мало. Справа возвышался главный алтарь с двумя золотыми статуями Девы Марии. Вдоль центрального нефа стояли еще четыре алтаря, и тесные проходы вели в темные, освещенные лишь тусклым пламенем свечей часовни. Вдоль стены на некотором возвышении тянулась галерея, на которой несколько лепщиков очищали фрески от грязи и сажки или обновляли обгоревшие витражи. Никто из ремесленников Магдалену пока не заметил, она села на дальнюю скамью, закрыла глаза и начала молиться. Но в скором времени поняла, что не может толком сосредоточиться. Мысли ее непрестанно возвращались к пропавшему Симону, Михаэлю Грецу, вчерашней непогоде и свету на колокольне.

К свету – настойчивей всего.

Магдалена открыла глаза и, оглядевшись, заметила витую лестницу, которая вела на галерею, а затем дальше вверх.

Быть может, в башню?

«Всего пару минут, – подумала она. – Если через пару минут я не найду вход в башню, то вернусь и продолжу молитву. Обещаю, добрый Отец наш».

Магдалена встала со скамьи и на цыпочках поднялась на галерею. Там действительно нашелся низкий проход, за которым вели наверх недавно сколоченные подмости. Старая лестница почти полностью сгорела, местами еще виднелись остатки старых ступеней, но стоптанные доски в большинстве своем лишь черными обломками нависали над пустотой. Магдалена перекрестилась и шагнула на скрипучие подмости.

Поднявшись всего на несколько шагов, Магдалена осталась в полном одиночестве. Снизу до нее доносились еще крики и стук, но чем выше она забиралась, тем приглушеннее становились звуки. В покрытых копотью оконных проемах, через равные промежутки проданных в башне, взору открывалась долина, буковые леса вокруг монастыря и строительная площадка далеко внизу. Рабочие походили на муравьев, что сустились на площади и толкали перед собой крошечные камешки.

Сколоченная временно лестница скрипела и шаталась; никаких перил, чтобы удержаться, не было, и Магдалена почувствовала, как у нее снова начала кружиться голова. Пот заливал глаза, и она про себя прокляла собственную затею взлезть на обгоревшую и разрушенную башню. Она решила уже развернуться, как заметила прямо над головой квадратный лаз в потолке. Магдалена забралась в него и оказалась наконец на чердаке. Сквозь почерневшие оконные проемы задувал прохладный ветер.

Вид был потрясающий.

Магдалена не раз уже забиралась на вершину Хоэмпайсенберга недалеко от Шонгау, но здесь она ощутила себя на шаг ближе к небу. Далеко на горизонте тянулась покрытая снегами цепочка гор, а перед ней раскинулись леса, болота и озера баварских предгорий. На восточном берегу Аммерзее высилась колокольная монастыря Дисен, слева возвышался Хоэмпайсенберг и загораживал вид на родной город. Отсюда все казалось таким близким друг к другу, что их двухдневное путешествие выглядело как приятная прогулка.

Внезапный порыв ветра разметал волосы Магдалены, и она крепко схватилась за доски, чтобы не слететь вниз. Оправившись немного, женщина смогла наконец осмотреть изнутри разрушенную молнией башню.

Стены покрылись копотью и местами оплавились от жара, в оконных проемах переливалось синее небо. Посреди звонницы на усиленной железом деревянной раме висели три колокола, которые выдержали пламя. Пол во многих местах прогорел, и Магдалена видела между балками зияющую пустоту. Со звонницы свисала новая веревка.

Магдалена вспомнила вдруг, что утром уже слышала колокольный звон. Значит, это просто звонарь поднимался сюда ночью? Магдалена нахмурилась. Что, черт возьми, звонарю делать здесь посреди ночи?

Магдалена решила пройти к колоколам по бревну; оттуда лучше всего можно было оглядеться. При этом она по возможности старалась не смотреть вниз. Переставляя одну ногу за другой, она смотрела прямо перед собой и таким образом чувствовала себя более-менее уверенно.

Наконец Магдалена добралась до громадных бронзовых колоколов. Она обхватила самый малый из них, почувствовала прохладный металл под ладонями и вздохнула с облегчением. Головокружение полностью прекратилось. Казалось, напряжение пробудило в ней новые силы и излечило ее. Она осторожно выпрямилась, чтобы взглянуть на другую сторону комнаты за колоколами, и сразу заметила нечто странное.

У противоположной стены стояло, поставленное на ребро, некое подобие носилок с металлическими скобами по краям. На полу лежали несколько полированных железных прутьев. Что-то поскрипывало. Подняв голову, Магдалена увидела, что прямо над носилками, точно петля на виселице, покачивалась на ветру толстая проволока.

Но не успела Магдалена приблизиться к странной конструкции, как справа до нее донесся шум.

На нее ринулась черная тень. Она походила на обращенную в человека летучую мышь, которая дремала до сих пор под потолком и теперь бросилась на нарушителя спокойствия. Нападавший закутан был в черный плащ с капюшоном, и Магдалена не смогла разглядеть его лица.

В следующее мгновение он налетел на нее.

Магдалена качнулась, руки ее соскользнули с гладкого металла, и под ногами вдруг возникла пустота. Она провалилась в щель между досками, при этом что-то острое оцарапало ей бедро. В последний момент она вытянула руки и схватилась за бревно. Запястья едва не вырвало из суставов, но Магдалена изо всех сил вцепилась в балку. Раскачиваясь во все стороны, она с замиранием сердца уставилась в бездну, и в глазах у нее потемнело. Затем до нее донеслись шаги с лестницы: закутанный в черное человек бежал вниз по подмосткам, и казалось, что он плыл по воздуху. В следующий миг незнакомец скрылся в церкви.

Словно тонкая ветка на ветру, Магдалена раскачивалась на бревне. Она понимала, что сил ее надолго не хватит. По лицу от злости и отчаяния потекли слезы. Она подтянулась из последних сил, как вдруг всего в полутора метрах от себя заметила веревку со звонницы.

Может, удастся добраться до нее?

Сантиметр за сантиметром Магдалена начала продвигаться к цели. Один раз рука ее соскользнула, и она едва смогла удержаться. Но в конце концов женщина добралась достаточно близко. Она с хрипом рванулась к спасительной веревке и крепко схватилась за нее. Судорожно вцепившись в трос, проехала метр или два вниз, затем последовал рывок, и ее качнуло в сторону.

Колокола неистово затрещивали.

У Магдалены заложило уши; звон стоял такой, точно она раскачивалась внутри громадного колокола, и с каждым ударом ее подбрасывало высоко вверх. Она медленно заскользила по веревке к подножию башни, где уже стояли несколько рабочих и с разинутыми ртами глядели вверх. Среди них были и Шреефогль с плотником Бальтазаром.

Магдалена видела, как они что-то кричали ей, но все, что она слышала, это грохочущий бой колоколов. Неумолчный, оглушительный рокот, дребезг и гром.

Грохотало так, словно ангелы созывали на Страшный суд.

* * *

Колокольный звон донесся до главного здания монастыря и на краткий миг прервал речь настоятеля Мауруса Рамбека. Но повод был слишком серьезным, чтобы молчать подолгу.

— Так, значит, убийство?

Настоятель вскинул правую бровь и посмотрел в окно, будто таким образом мог разгадать причину звона. Симон дал бы Рамбеку лет пятьдесят, но гладко обритая голова и черная ряса заметно его старили. Спустя целую вечность настоятель снова повернулся к своему посетителю.

— И как вы пришли к такому ужасному заключению?

— Я... я, хм, обнаружил синяки на ключицах и груди послушника, ваше преподобие, — пробормотал Симон. — И шишку на затылке. Можете сами осмотреть труп.

— Осмотрю. Уж в этом не сомневайтесь.

Симон опустил взгляд и украдкой покосился на множество книжных полок вокруг. Они с братом Йоханнесом застали Мауруса Рамбека в так называемой читальне — комнате на втором этаже, доступной только для настоятеля. Глава монастыря сидел за столом и корпел над потрепанной книгой, на страницах которой Симон разглядел необычные символы, смутно ему знакомые.

— Если ваша теория окажется верной, — продолжил Маурус Рамбек, — то это дело земельного судьи Вайльхайма. И я с удовольствием избавил бы всех нас от этой процедуры. Есть у вас какие-нибудь предположения, кто мог бы совершить это убийство?

— К сожалению, нет, — вздохнул Симон. — Но, быть может, следовало бы осмотреть тот пруд, если вы позволите мне совет...

— Может, и вправду следует осмотреть.

Настоятель провел языком по мясистым губам. Маурус Рамбек был человеком тучным, с обвислыми, как у старой болонки, щеками. Вся наружность его излучала уютное благополучие, и лишь глаза выказывали, что за ним кроется неутомимый дух. По пути брат Йоханнес рассказал Симону, что настоятель получил свою должность всего несколько месяцев назад и что он считался одним из умнейших людей Баварии. Рамбек бегло говорил на восьми языках, а читал на шестнадцати. Как и многие другие образованные люди его времени, он изучал в Бенедиктинском университете Зальцбурга не только теологию, но также философию, математику и экспериментальную физику. После того как он в юные годы прослужил в монастыре простым монахом, его позднее снова отправили в университет Зальцбурга уже

в качестве преподавателя. И назначение его обратно в Андекс вызвало в совете монастыря настоящий переполох.

– Мне все это видится лишь игрой воображения, – вмешался брат Йоханнес впервые за все время. – Поверьте мне, ваше преподобие, я уже много трупов повидать успел, и...

– Я знаю, что ты успел повидать много трупов, дорогой брат, – перебил его настоятель. – По мне, так слишком много... – добавил он многозначительно. – Не говоря уже о том, как множатся в последнее время предосудительные происшествия вокруг твоей персоны, брат Йоханнес. Слухи о молнии, твое чревоугодие во время поста, да и вечные твои споры с братом Виргилиусом... Сегодня, как я слышал, между вами тоже произошел раздор?

– Откуда вы... – вспыхнул было брат Йоханнес, но потом плечи его поникли, и он продолжил в смущении: – Ну да, это правда. Мы поспорили, но это был спор... скажем... научный. Скорее, дискуссия, ничего серьезного.

– Научный? – Настоятель усмехнулся. – Не превозноси себя, брат. Помни о том, что ты наш аптекарь, и не более. Заботься о больных и следи, чтобы никто из окружающих тебя не умер прежде времени. Это все, о чем я тебя прошу. А науку предоставь ученым.

Он повернулся к Симону.

– Что касается вас, цирюльник. Похоже, вы и вправду кое-что смыслите в человеческой анатомии. Быть может, даже больше, чем аптекарь... Так почему нет? – Маурус Рамбек склонил голову, словно раздумывал над решением, и наконец кивнул. – Буду рад, если вы составите небольшой отчет о данном происшествии. Скажем, до завтра? Причину смерти, раны и так далее, что-нибудь для актов, если нам действительно придется обратиться к земельному судье... Разумеется, за вознаграждение.

Он подмигнул – взгляд его Симону показался насмешливым – и продолжил:

– Можете и к этому таинственному пруду сходить, или что там еще... Вам предоставлена свобода действий. После я решу, как нам быть дальше. А теперь прошу простить меня.

Маурус Рамбек показал на потрепанную книгу перед собой:

– Этот иудейский труд о целебных травах древних египтян ужасно захватывает. Мне сегодня же хотелось бы закончить ее перевод. И желательно в тишине.

Он со вздохом посмотрел в окно, откуда по-прежнему доносился беспорядочный колокольный звон.

– А тебя, любезный брат Йоханнес, я прошу выяснить, к чему весь этот трезвон. По звуку можно решить, будто шведы снова собрались под нашими стенами.

– Как пожелаете, ваше преподобие, – пробормотал аптекарь. – Я сейчас же выясню, в чем дело.

На прощание он поклонился перед настоятелем и при этом злобно покосился на лекаря.

Симон сглотнул. Пресловутое любопытство, судя по всему, снова создало ему кучу проблем.

3

Воскресенье 13 июня 1666 года от Рождества Христова, полдень, на Кожевенной улице Шонгау

Куизль снова застал их возле складов на берегу Леха.

Их собралось около дюжины молодчиков; все без исключения прыщавые, широкоплечие, полные сил и заносчивости. Палач узнал двоих или троих подмастерьев из Альтенштадта и, конечно же, троицу братьев Бертхольдов. Старший из них был, как всегда, зачинщиком.

– Вы только посмотрите, палач выгуливает мелюзгу, – прорычал Ганс Бертхольд.

Он встал перед Куизлем и показал на малышей, которых палач нес на могучих руках. Дети задумчиво сосали пальцы и внимательно смотрели на озлобленных молодчиков, словно ждали от них каких-нибудь сладостей или красивых игрушек.

– Мои внуки тут ни при чем, – ответил Куизль и огляделся украдкой в поисках возможного пути отхода. Но молодчики уже выстроились вокруг него кольцом.

Палач решил провести утро с внуками у реки, чтобы вырезать несколько корабликов и новый черенок для лопаты. Обогнув склад по узкой тропинке, он сразу заметил, что один из грузовых люков снова открыт. Несколько человек сидели на мешках с краденой пшеницей и хитро ухмылялись, другие по сколоченной наскоро лестнице как раз выбирались из люка; спереди и сзади приближались еще по двое караульных. Глаза у всех сверкали и напоминали Куизлю взгляды голодных волков. Последняя его угроза, вероятно, ни к чему не привела. Бертхольды и прочие из его шайки снова пробрались на склад, чтобы наворовать пшеницы.

– Проваливайте, и я вас не видел, – проворчал палач. – У меня сегодня хороший день, и в этот раз я вас отпущу.

Но, взглянув на Ганса Бертхольда, он понял, что это ему не поможет. Молодой пекарь держал руку со сломанными пальцами на перевязи, губы его дрожали от злости и возбуждения.

– Боюсь, отпустить тебя просто так не выйдет, – прошипел он. – И чего тебе вздумалось появляться здесь именно сейчас? Кто теперь даст нам гарантию, что ты не выдашь нас совету?

– Даю вам слово.

– Слово палача? Дерьма оно не стоит.

Раздался смех, и Бертхольд самоуверенно оглянулся на сообщников.

– Ну что, Куизль? Можешь возмешь один мешок для сорванцов? – язвительно продолжил молодой нахал и кивнул на внуков палача. – Чтобы и они выросли жирными и паршивыми палачами, как их дед?

– Чтобы когда-нибудь они смогли накинуть петлю на шею вору и проходимцу вроде тебя и вздернуть на висельном холме, – ответил палач невозмутимо. – Это уже второй раз, когда я ловлю тебя за кражей, Бертхольд. За это петля полагается. Возвращайтесь домой, пока до беды не дошло. Если Лехнер узнает, он с вами церемониться не будет.

Ганс Бертхольд прикусил губу. Такого ответа он не ожидал; этот старый упрямец оказался слишком уж дерзким.

– А кто свидетель? – прошипел он. – Может, ты, палач?

Пекарь засмеялся, и смех его походил на бляение козы.

– Чтобы неприкасаемый, и говорил перед советом! Ты и вправду думаешь, что секретарь станет слушать тебя? Или, может, два мальчика тоже что-нибудь налепечут?

Он снова заблеял, и в этот раз некоторые из сообщников его поддержали.

– И вообще, где их вшивая мать? – продолжил он надломленным голосом. – Она и этот цирюльник! Разве не они должны следить за своими недоносками, чтобы с ними ничего не случилось? Ну, где они?

– Ты и сам знаешь где, – пробормотал Куизль. – А теперь дай пройти, и...

– Весь город был против того, чтобы всякий сброд отправлялся в паломничество! – прокаркал теперь средний из Бертхольдов. В свои девятнадцать он был выше многих других. Дрожащая от злости голова его вытянулась вперед, как у змеи. – Чтобы дочь палача отправлялась к Святой горе с порядочными горожанами, ни разу еще такого не было! Ни разу! И посмотри теперь, что послал нам Господь в назидание. Дождь и град опустошают поля, мыши пожрали посевное зерно!

– Это еще не дает вам права пробираться на хранилище и воровать пшеницу.

– Пшеницу этих богатых торгашей из Аугсбурга? Да чтоб их всех дьявол забрал! Господь свидетель, мы берем только то, что нам полагается.

Куизль тихо вздохнул. В плане набожности Йозеф Бертхольд явно пошел по стопам покойного отца. Но в последнее время непогода и впрямь часто обрушивалась на Шонгау, а мыши превратились в сущее бедствие. Некоторые поля стояли едва ли не в полном запустении. Палач отговаривал Магдалену от затеи отправляться в паломничество вместе с другими горожанами, так как понимал, что это приведет к сплетням. Но она, как это часто бывало, не пожелала его слушать. Теперь Куизль стоял с внуками на берегу, окруженный разгневанной чернью, которая искала лишь повода для драки.

– А где же твой меч, Куизль? – выкрикнул один из молодчиков. – Дома небось позабыл? Или решил новый вырезать?

Вокруг снова язвительно засмеялись. Толпа с ропотом двинулась на палача, и он встал спиной к складу.

– Не думал, что ты свяжешься с этим сбродом, Бертхольд, – проворчал Куизль. – Отец твой в гробу, наверное, перевернулся бы.

– Заткнись, палач! – рявкнул на него пекарь. – Будь мой отец жив, он бы давно всю вашу семейку из города плетью выгнал.

– Если кто и гонит людей из города, Бертхольд, так это я. Не забывай об этом.

Палач пренебрежительно оглядел группу парней, что загораживали ему путь. В свои пятьдесят четыре года Якоб был уже далеко не молод, но люди по-прежнему боялись его гнева и силы. Они видели, как он переломал кости главарю разбойников, как он точным ударом срубал головы убийцам. Кровавая слава Куизля простиралась далеко за пределы города, и все же он чувствовал, что авторитет его начинал понемногу рушиться. Сегодня крепкого слова или хорошей затрещины будет явно недостаточно, чтобы разогнать толпу. Тем более с двумя лопочущими и сосущими пальцы сорванцами на руках...

– Вот что, Куизль! – прошипел Ганс Бертхольд, и губы его растянулись в злорадной улыбке. – Ты сейчас склонишь голову и смиренно попросишь прощения за свою никчемную стерву-дочь. И тогда мы, может, вас отпустим.

По толпе пронесся злорадный хохот. Маленький Петер заплакал; не прошло и пяти секунд, как младший брат его тоже разрыдался. Куизль закрыл глаза и попытался успокоиться. Они пытались разозлить его, но ему нельзя было подвергать внуков опасности. Что ему оставалось делать? Затеять драку он не хотел из-за малышей. Позвать на помощь? До города было слишком далеко, а река заглушила бы любой крик. Так, значит, подчиниться требованию Бертхольда?

Куизль покорно опустил голову.

– Я прошу... – начал он тихо.

Ганс Бертхольд ухмыльнулся, глаза его сверкнули холодным блеском.

– Смирно! – прошипел он. – Ты просишь смиренно!

– Я смиренно прошу, – поправился палач.

Он помолчал немного, а затем продолжил:

– Я смиренно прошу Господа дать мне силы, чтобы проучить эту шайку тупых и безмозглых недоносков и не разбить им головы. А теперь, ради святой Богородицы, дайте пройти, пока я первому из вас нос не сломал.

Воцарилось молчание. Молодые подмастерья словно поверить не могли в то, что сейчас слышали. Ганс Бертхольд наконец опомнился.

– Ты... ты об этом пожалеешь, – сказал он тихим голосом. – Нас тут больше десятка, а ты – старик с двумя детьми на руках. Сейчас мелкие ублюдки увидят, как их деда отделают...

Он не договорил и с криком схватился за лоб, из-под ладони потекла кровь. Потом завывали и остальные, они попрятались за повозками и бочками, а на них градом сыпались камни. Палач огляделся и заметил наконец на крыше склада толпу детей и подростков, которые забрасывали шайку камнями и кусками твердой глины.

Впереди всех стоял тринадцатилетний сын Куизля Георг с пращей в руке.

Палач ужаснулся. А этот сопляк что здесь забыл? Разве не должен он чистить повозку в сарае? Разве не достаточно того, что оба его внука в опасности?

Куизль собрался уже разразиться бранью, но понял вдруг, что сын, возможно, только что спас ему жизнь. Он снова посмотрел на крышу. Георг Куизль выглядел гораздо старше своих тринадцати лет, он словно высечен был из твердой скалы. На губах его появился первый пушок, а рубашка и штаны казались маленькими для его неотесанного тела.

«Как я прежде, – подумал Куизль. – В его годы я и отправился на войну. Господи, а теперь собственный отпрыск должен меня из петли выводить... Якоб, ты стареешь...»

– Отец, беги! – крикнул Георг. – Сейчас же!

Куизль разогнал дурные мысли, прижал к себе ревущих внуков и побежал прочь. Вокруг по-прежнему сыпались камни. Кто-то бросился ему наперерез; палач выбросил ногу вперед и со всей силы врезал нападавшему, одному из подмастерьев, в промежность. Парень со стоном повалился на пол, а на Куизля ринулся уже следующий. Малыши орали теперь как резаные; палач пригнулся и врезался нападавшему головой в живот, быстро выпрямился и понесся дальше, Ганс Бертхольд позади него громко взвыл, когда в него попал очередной камень.

– Ты заплатишься за это, Куизль! – вопил Бертхольд, как одержимый. – Ты и вся твоя семья! Только скажи что-нибудь в совете, и я возьмусь за твоих сопляков!

Всего через несколько минут пристани остались далеко позади, и Куизль добрался до моста через Лех. Там стояли два ничего не подозревающих стражника с алебардами. Оба изумленно обернулись на палача: драку за складом никто из них, похоже, не услышал.

– Господи, Куизль! – крикнул один из них. – Ты бежишь, будто за тобой сам дьявол гонится.

– Не дьявол, всего лишь Бертхольды, – прохрипел палач. – Лучше бы вам поскорее проверить склад, пока аугсбургцы не начали про свою пшеницу спрашивать.

Еще стоя на мосту, Якоб решил больше ни на секунду не спускать глаз с внуков.

* * *

Симон вышел из монастыря и только тут вспомнил о травах для Магдалены. Травы для Магдалены! Он ощупал плотно набитый мешок на поясе, в который сложил растения, и со всех ног бросился в деревню. Про себя лекарь надеялся, что жена не заметила его долгого отсутствия. Иначе можно было бы и схлопотать.

Однако, добравшись до дома живодера, лекарь с удивлением обнаружил, что там никого не было. Перед хижиной паслись несколько коз, и дверь стояла открытой настежь, но ни Михаэля Греца с помощником, ни Магдалены в доме не оказалось.

– А ведь я раза три ей сказал не вставать с постели, – растерянно пробормотал Симон. – Упрямая баба...

Внутренне он уже настроился на хороший выговор.

Поразмыслив немного, лекарь решил вернуться к монастырю. Быть может, Магдалена отыщется где-нибудь в церкви или у строительной площадки. К монастырским стенам подступила очередная группа паломников, и один из монахов приветствовал их благословением. С громкими песнопениями и молитвами паломники выставили перед собой свечи и медленно поднимались к монастырю, намереваясь, видимо, сразу же отправиться в церковь. Хотя до праздника была целая неделя, народу собралось уже немало, и люди теснились в узком переулке.

Чтобы миновать толчею, Симон прошел вдоль стены и недалеко от лесной опушки отыскал еще одну открытую калитку. Здесь также стояли в ряд сараи, мычали коровы, где-то хрюкала свинья, и в воздухе стоял запах навоза и солода. Слева от утопанной тропинки примостился нарядный каменный домик; оштукатуренные стены и сад с маками и маргаритками резко выделяли его среди грязных амбаров. Позади него поднималась крутая лестница к монастырю.

Не успел Симон подняться и на пару ступеней, как позади него что-то громко хлопнуло. Пока лекарь соображал, откуда именно донесся звук, в одном из окон каменного домика он увидел густые клубы дыма. Должно быть, что-то взорвалось внутри!

Не раздумывая, лекарь развернулся, бросился к дому и вышиб дверь. Его окутал черный, пахнувший серой дым и не позволил ничего разглядеть.

– Всё... у вас всё в порядке? – крикнул он неуверенно.

Кто-то закашлялся, затем хриплый голос проговорил:

– Нет повода для беспокойства. Видимо, слишком много пороха. Но, насколько я могу судить, все в порядке.

Дым потянулся в открытую дверь, и взору Симона предстала самая удивительная комната, какую он когда-либо видел. Вдоль стен стояли грубо сколоченные столы, на которых расставлены были всевозможные приспособления необычайного вида. По левую руку Симон увидел серебряную коробку, внутри которой вращалось множество шестеренок. Рядом лежала кукольная рука из белого фарфора; голова куклы прокатилась по столу и остановилась, лишь стукнувшись о маятниковые часы с крошечными серебряными нимфами. С кривой усмешкой голова уставилась на Симона, затем веки ее опустились, и кукла, казалось, заснула. Далее на столах поблескивали десятки металлических деталей, о значении которых Симон мог только догадываться. Вся комната пахла серой и жженым металлом; закрытые ставни, несмотря на ясный полдень, едва пропускали солнечный свет. Большая часть комнаты по-прежнему скрывалась в мутной дымке.

– Подойдите ближе, – снова раздался голос в дыму. – Вам нечего здесь бояться. Даже набитого аллигатора под потолком. Между прочим, настоящий раритет из страны пирамид.

Лекарь поднял взгляд к потолку и увидел бескрылого зеленого дракона с длинным хвостом. Он медленно кружился на веревке, и стеклянные глаза его безучастно взирали на Симона.

– Господи, – пробормотал Симон. – Куда я попал? В преддверие ада?

Кто-то засмеялся.

– Скорее, в рай. Наука открывает тем, кто перед ней не отрекается, небывалые просторы. Подойдите же немного ближе, чтобы я мог разглядеть, с кем имею честь разговаривать.

Симон сделал несколько шагов в полумраке и справа увидел высокий силуэт. Обрадованный, что отыскал наконец странного обитателя дома, он повернулся к нему и протянул руку.

– Должен признаться, нагнали вы на меня... – начал было Симон, но потом вдруг замолчал, и сердце у него заколотилось.

Силуэт перед ним оказался женщиной, одетой в красное бальное платье; волосы ее были собраны в пучок на затылке по придворной моде прошлых десятилетий. Алые губы ее улыбались лекарю, но лицо было бледным, как у покойника: казалось, в нем не было ни капли жизни. Рот ее вдруг распахнулся, и где-то внутри тела зазвучала тихая жестяная мелодия.

Потребовалось некоторое время, пока Симон не различил в ней звон колокольчиков. Невидимые молоточки со звоном выстукивали мелодию к старинной любовной песне.

– Это... это же... – пробормотал он.

– Автомат,⁵ я знаю. Жаль, я не могу позволить себе общество живой женщины. Но зато Аврора никогда не превратится в сварливую старуху. Она всегда будет молодой и красивой.

Из-за высокой куклы выступил маленький человечек. Симон вздрогнул в очередной раз, когда узнал в нем монаха, который пару часов назад спорил с братом Йоханнесом. Симон попытался вспомнить, как звали монаха. Настоятель упоминал его имя на совете. Как уж его звали? Брат...

– Брат Виргилиус, – сказал монах и протянул Симону правую руку, в то время как левой опирался на украшенную слоновой костью трость с серебряной рукояткой. По лицу его пробежала робкая улыбка. – Мы не встречались с вами прежде?

– Сегодня утром перед домом аптекаря, – проговорил Симон. – Я приходил за травами для жены. Анис, полынь и лапчатка от колик в животе.

Монах обеспокоенно нахмурил сморщенное личико; на вид ему уже перевалило за пятьдесят, но сам он походил на ребенка.

– Припоминаю, – сказал он бесстрастно. – Надеюсь, брат Йоханнес сумел помочь вашей жене. Он, без сомнения, хороший аптекарь, хоть иногда немного... несдержанный. – По лицу его снова скользнула улыбка. – Но побеседуем о вещах более приятных. Вы говорите на латыни? Вы как, дружите ли с науками?

Симон представился в двух словах, после чего обвел рукой странные приборы вокруг:

– Это самая удивительная комната, в какой мне довелось побывать. Чем же вы занимаетесь, позвольте спросить?

– Я часовщик, – ответил брат Виргилиус. – Монастырь дает мне возможность заниматься работой и при этом немножко... скажем так, экспериментировать. – Он подмигнул Симону. – Сейчас вы стали невольным свидетелем повторения эксперимента Герике с полушариями.

– Эксперимента с полушариями? – Симон растерянно взглянул на маленького монаха. – Боюсь, я не совсем понимаю.

Брат Виргилиус небрежно показал на медный шар со следами копоти, лежащий на обугленном столе.

– Поразительная сила вакуума, – начал он объяснять. – Изобретатель Отто фон Герике, выступая однажды перед Рейхстагом в Регенсбурге, соединил два полушария и выкачал из них воздух, так что образовался вакуум. Шестнадцать лошадей оказались не в состоянии разъединить половины. Это не удалось даже разрушительной силе пороха.

⁵ В данном случае имеется определенное понятие, распространенное в Европе в то время: автомат (*греч.* automatos, самодвигающийся) – фигура, изображающая живое существо, с механическим устройством внутри, подражающая всем его движениям и голосу.

Он вздохнул.

– *Quod erat demonstrandum*.⁶ Мой трусливый подручный сбежал от грохота на чердак... Виталис! Вита-а-л-и-ис!

Маленький монах нетерпеливо постучал тростью по полу, после чего из соседней комнаты показался робкий юноша. На вид ему не исполнилось и восемнадцати, а сложен он был столь изящно, что Симон в первую секунду принял его за девушку.

– Это Виталис, послушник монастыря, – представил его брат Виргилиус немного резко. – Он хоть и не часто подает голос, зато пальцы у него такие ловкие, что он любую самую маленькую шестерню может в механизм вставить. Верно, Виталис?

Послушник опустил глаза и робко поклонился.

– Я стараюсь, – прошептал он. – Есть поручения для меня, наставник?

– Раз уж ты не видел эксперимента, то хоть после него сделай что-нибудь полезное, – проворчал Виргилиус. – Боюсь, нам потребуется новый стол. Сходи к брату Мартину, может, у него в мастерской уже есть готовый.

– Как скажете, наставник.

Виталис поклонился еще раз и направился к выходу, а монах повернулся к Симону.

– А что скажете насчет моей Авроры? – Он показал на автомат. – Разве она не прекрасна?

Симон украдкой взглянул на куклу, которая недвижимо стояла подле него с неизменной улыбкой на губах. Только теперь он заметил, что под платьем вместо ног у нее были маленькие колеса.

– Воистину, это... настоящее чудо техники, – пробормотал он. – Хотя признаюсь честно, живые люди мне как-то больше по душе.

– Ха, что за вздор! Поверьте мне, еще наступит день, когда мы не сможем отличить автомат от настоящего человека.

Брат Виргилиус обошел куклу и принялся крутить какой-то винт в спине Авроры, пока снова не заиграла тихая мелодия. Автомат раскрыл рот и одновременно покатился по комнате, словно движимый незримыми нитями. В полумраке кукла действительно походила на благородную даму с ночного бала в Париже.

– Колокольчики, рот и колеса приводятся в движение пружинами и валиками, – с гордостью пояснил монах. – Сейчас я работаю над тем, чтобы Аврора могла двигать руками и танцевать бурре.⁷ Как знать, может, когда-нибудь она сможет писать письма или играть на спинете?⁸

– Как знать, – прошептал Симон.

Ему становилось все более не по себе рядом с автоматом. Молодому человеку казалось, что он смотрит на призрак, который, движимый жадой мщения, невесомо скользит по комнате.

– А монастырь? – спросил он осторожно. – Как церковь относится к вашим экспериментам?

Брат Йоханнес пожал плечами.

– Настоятель Маурис человек просвещенный, он может отличить науку от религии. Кроме того, монастырь получает немалую пользу от моих способностей.

Он с блаженной улыбкой понаблюдав за куклой, под музыку кружащейся по комнате.

– Но есть, разумеется, и противники.

– Брат Йоханнес, полагаю? – с любопытством спросил Симон.

⁶ Что и требовалось доказать (*лат.*).

⁷ Бурре – старинный французский народный танец.

⁸ Спинет – небольшой домашний клавишный струнный музыкальный инструмент, разновидность клавесина.

– Брат Йоханнес? – Маленький монах отвел взгляд от автомата и непонимающе воззрился на лекаря.

Симон, извиняясь, поднял руки.

– Прошу прощения, но утром я застал вас за яростным спором.

Виргилиус помолчал секунду, затем лицо его неожиданно просияло.

– Конечно, Йоханнес! Вы правы. Как я уже говорил, несдержанный человек, которому порой не хватает кругозора. – Он опустил глаза. – Мы часто спорили, но в этот раз я уже начал опасаться за свое здоровье. Йоханнес довольно вспыхив, должен сказать вам. Это, наверное, связано с его прошлым.

– Какое прошлое? – поинтересовался Симон.

Но в этот момент автомат вдруг прервал свою мелодию, и изнутри его раздался ужасный скрежет. Брат Виргилиус в ужасе бросился к кукле.

– Проклятие! – прошипел он. – Видно, снова слабый винт где-то в механизме. И почему ты хоть раз не можешь работать без сбоев, баба ты упрямая?

Монах расстегнул платье на спине Авроры, и взору открылась железная пластина. Что-то приговаривая, механик вынул из-под рясы крошечный ключик и принялся разбирать спину куклы. О присутствии Симона он, похоже, совершенно забыл.

– Было... приятно было познакомиться с вами, – пробормотал Фронвизер и смущенно оправил сюртук. – Теперь я, пожалуй...

– Что? – Виргилиус взглянул на лекаря как на незнакомца, только вошедшего в комнату. – А, конечно! Мне тоже было приятно. Теперь прошу меня простить, придется поводить... Черт возьми!

Он снова склонился над спиной автомата, и Симон направился к выходу.

Когда лекарь вышел на улицу, его ослепило солнце, и он невольно прикрыл глаза. Изнутри по-прежнему доносилось бормотание часовщика.

В скором времени снова заиграла мелодия.

* * *

Магдалена глотнула подогретого вина из кружки и попыталась побороть пережитый час назад испуг. Не оправившись еще до конца, она откинулась на спинку скамьи и стала наблюдать за суетой в монастырской таверне, куда забрела без всякого на то намерения.

С наступлением полудня свободных мест в трактире у подножия Святой горы не осталось. Несколько богато одетых торговцев лакомились кабаньими окороками и белым хлебом, жир стекал у них по подбородкам и пачкал бороды. В углу сидела группа простых паломников за общей миской дымящегося супа. Над столами витал табачный дым, смешанный с дымом из печи; воздух наполнился гулом множества разговоров.

После падения с башни ей пришлось еще ответить на вопросы обеспокоенного Якоба Шреефогля, плотника Бальтазара и других ремесленников. Неожиданный звон переполошил всех строителей. Среди любопытствующих стоял и брат Йоханнес, который недоверчиво взирал на Магдалену. Поэтому она ограничилась тем, что рассказала растерянным мужчинам, будто вошла на башню из чистого любопытства и там поскользнулась. Она не знала еще, связан ли как-то безобразный монах с произошедшим наверху. Что, если брат Йоханнес и был тем закутаным незнакомцем, который столкнул ее?

Пока Магдалена брела вниз по холму, над одной из дверей она заметила зазывную табличку со стаканом вина и, недолго думая, свернула в трактир. Не успела она налить себе новую кружку, как вдруг на пороге появился Симон. Он окинул посетителей встревоженным взглядом и среди них отыскал наконец Магдалену.

– Так вот ты где! – воскликнул он, когда добрался до ее стола. – Я тебя ищу повсюду! Не могла подождать спокойно, когда я травы принесу?

– И когда, интересно? – вскинулась на него Магдалена. – После дождичка в четверг? Я ждала тебя, а ты все не появлялся!

Она кивнула на кружку с вином:

– Это вот лекарство все равно помогает лучше, чем душица, вербена и мята со всего Пфаффенвинкеля. Они тут столько трав в вино добавляют, что и понюхать достаточно, чтобы выздороветь. А теперь садись уже, и я расскажу, что со мной приключилось.

Она торопливо рассказала Симону о своей находке в башне и про незнакомца, который столкнул ее в пролом.

– Носилки с железными скобами и толстой проволокой, говоришь? – переспросил Симон. – И чем бы это могло быть, интересно?

– Понятия не имею. Во всяком случае, нечто такое, о чем никому нельзя знать. Иначе этот тип в рясе не пытался бы столкнуть меня с башни.

– А с чего ты взяла, что он действительно хотел столкнуть тебя с башни? – возразил Симон. – Может, ты просто кого-нибудь там напугала и он сбежал поскорее?

– Хочешь сказать, я все это выдумала?

Симон примирительно поднял руки.

– Я просто не хочу, чтобы мы из-за подозрений пришли к ложным заключениям, вот и всё.

Магдалена осторожно огляделась и понизила голос:

– Как по мне, так этот безобразный монах Йоханнес ко всему этому приложился. Помнишь, как он странно повел себя накануне, когда я сказала ему про свет в колокольне? И про мешок, помнишь, который он с собой тащил?

Симон нахмурился:

– Да, а что?

– В нем были железные прутья! Точно такие же, какие я видела в башне, только поменьше!

– Верно, ты права. – Симон беспокойно постучал по столу. – Что-то с этим монахом неладно. Но человеком с башни он быть не мог. Йоханнес в это время был со мною у настоятеля.

– Ты был у настоятеля?

Симон вздохнул.

– Со мной сегодня тоже кое-что приключилось. Если так и будет продолжаться, мы снова влипнем в историю, а твой отец уши мне оттяпает, потому что я за тобой не уследил... В любом случае настоятель велел мне к завтрашнему дню составить отчет о возможном убийстве.

Он взволнованно поведал Магдалене о событиях, пережитых у аптекаря, у настоятеля и странного часовщика. После рассказа Магдалена какое-то время сидела молча, потом налила себе еще вина.

– Автомат в облике настоящей женщины, у которой механизм вместо сердца!.. – Она встряхнулась с явным отвращением. – Ты прав, этот часовщик Виргилиус действительно странный малый. Скверная мысль, что кто-то может вдохнуть жизнь в куклу.

– Это не такая уж и редкость, – возразил Симон. – Я слышал, что в Париже и Роттердаме таких автоматов довольно много. Поющие птицы, высокие барабанщики, мавры, звонящие в колокол... В ганзейском городе Бремене есть даже железный стражник, который поднимает перед купцами забрало и приветственно вскидывает руку.

– И все-таки живые люди мне более по нраву... – Магдалена вдруг нахмурилась и кивнула в сторону двери. – Ну да, во всяком случае, большая их часть.

Здрав подбородки, в трактир вошли бургомистр Карл Земер и его сын. С ними рядом шел разряженный господин с бородкой, белым воротничком, в широкополой шляпе и с парадной шпагой на поясе. Он окинул посетителей холодным взглядом, словно перед ним собрались лишь назойливые мотыльки. В конце концов щелкнул пальцами, и к ним с раболепным поклоном кинулся трактирщик.

– Господи, Земеры! – простонал Симон. – Все сегодня против нас! И они, судя по всему, подыскали себе приятеля.

Трактирщик между тем подступил к новым гостям.

– Ах, господин граф фон Вартенберг! – пропел он и поклонился так низко, словно вознамерился почистить ему сапоги. – Великая честь принимать у себя в скромной таверне посланника из дома Виттельсбахов. Давненько вы...

Господин с бородкой нетерпеливо поднял руку, и тучный трактирщик замолчал.

– Довольно этой лести; приготовил бы нам лучше отдельную комнату, – проворчал он сердито. – Мне нужно обсудить нечто важное с этими господами.

– Всё, как вы пожелаете. Будет исполнено.

Раскланиваясь, трактирщик повел графа и Земеров к отдельному коридору. Проходя мимо стола, за которым сидели Симон и Магдалена, юный Себастьян Земер наградил их пренебрежительным взглядом.

– Взгляни-ка, отец, – прогнусавил он. – Теперь даже никчемные цирюльники и отродья палачей захаживают в таверну Андекса. Святая гора уже не та, что была раньше.

Карл Земер хмуро посмотрел на шонгауцев:

– Полагаю, сын мой, трактирщик не знает, кто к нему захаживает. В *моем* трактире такое уж точно не пройдет. Бесчестным там делать нечего.

Он нетерпеливо взял своего отпрыска за плечо.

– Идем же теперь, у нас есть дела поважнее. Я слышал, здесь наливают отличное, хоть и дорогое, токайское вино. То, что нужно при заключении сделок.

Оба скрылись вслед за благородным господином в боковом коридоре. Симон взглянул на Магдалену; та, побледнев, прикусила губу и наконец прошипела:

– Чванливые Земеры! Якоб Шреефогль уже говорил мне, что оба они собираются хорошенько пожить на празднике. Мне от одного их вида дурно становится.

– Не надо так волноваться. – Симон с сочувствием погладил ее по волосам. – Тебе все равно этого не изменить. Но хотел бы я знать, что же Земеры затеяли с урожденным Виттельсбахом. Если это правда, то у них все получилось. Тот, кто ведет дела с семьей баварского курфюрста, никогда не прогадает.

Магдалена шумно высморкалась и одним глотком допила вино в кружке.

– Они, наверное, всучат графу каких-нибудь свечей и иконок, а благородный господин потом перепродает их еще дороже, – пробормотала она, после чего встала и, потянувшись, бросила на стол пару монет. – Пойдем уже. Нет желания сидеть в одном трактире с Земерами. А тебе еще нужно этот отчет написать, будь он неладен...

Она со вздохом направилась к выходу.

– Проклятие, ведь при всем этом я просто хотела помолиться в Андексе!

* * *

Снаружи в тени перед трактиром прятался человек в черной рясе и недоверчивым взглядом провожал семейную пару из Шонгау, бредущую вниз по холму в сторону Эрлинга. Потом грязно выругался, как привык во время войны. Ругань всегда шла ему на пользу, хотя Господь и не поощрял ее. Она помогала разогнать кровавые образы; однако беспокойство осталось.

С тех пор как здесь появился этот цирюльник со своей подругой, все пошло наперекосяк! Сначала не-удачный эксперимент, потом убитый подручный и спор с Виргилиусом – и что, черт побери, понадобилось этой любопытной девке на башне? А если она что-нибудь заподозрила? Если нашла что-нибудь наверху?

Он улыбнулся и помахал рукой, когда мимо него с песнопениями прошли несколько паломников. Но те не стали к нему приближаться, почувствовав, что от него не исходило благословения. Он привык, что люди боялись его наружности. Прежде она была частью его профессии, которая внушала окружающим страх, теперь – просто лицо. Гримаса дьявола в монашеском обликии, так говорили про него с тех пор, как он постригся много лет назад в монахи и расстался с прежней жизнью. Но с лицом расстаться не получилось.

Как и с прошлым.

Злобно бормоча себе под нос, словно жирная навозная муха, брат Йоханнес двинулся обратно к аптеке, где его ждали тревоги, зловоние и разлагающийся труп.

Он не знал еще, что это только начало.

* * *

Тем временем Куизль сидел у пруда, неподалеку от своего дома и вырезал из тростника кораблики для внуков.

Он купил внукам сушеных фруктов и глазированных орехов, и малыши поедали их с большим аппетитом. Губы у них стали липкими от меда, руки испачкались грязью и сажей. Палач усмехнулся. Хорошо, что их сейчас не видит мама.

При мысли о детях он вдруг снова помрачнел. Мало того, что жена заболела, так теперь еще и внукам опасность угрожала! Предупреждение Ганса Бертхольда прозвучало недвусмысленно. Если Куизль расскажет о кражах судебному секретарю, внуков ждет худшее. И даже если он не станет ничего предпринимать – Бертхольд просто горит жаждой мщения. Кто даст гарантию, что он при удобном случае не подкараулит детей у пруда или на берегу Леха? Толкнуть легонько – и малыши в мгновение ока уйдут под воду...

Палач вынул мешочек с табаком и принялся угрюмо набивать трубку. Как всегда, когда он хотел поразмыслить, ему требовалось это восхитительное зелье, которое каждый месяц ему привозили из Аугсбурга знакомые плотогоны. Как только к небу потянулись первые клубы дыма, Куизль почувствовал себя гораздо спокойнее. Но вслед за этим из раздумий его вырвал звук приближающихся шагов.

– Черт бы побрал всех, нигде в покое не оставят! – проворчал палач.

Развернувшись, он увидел среди ивовых зарослей своего сына Георга. В руках мальчика по-прежнему болталась праща, которой он еще пару часов назад обратил в бегство братьев Бертхольдов. За ним следовала его сестра Барбара. Ее черные локоны свободно ниспадали на плечи, под рубахой уже обозначались первые округлости.

Георг и Барбара были близнецами, но различались до невозможности. Приветливая Барбара, подобно старшей сестре Магдалене, не лезла за словом в карман и росла, видимо, такой же красавицей. Георг, наоборот, был неотесанным, словно кусок необработанного дерева, и молчаливым, как отец. Будучи учеником палача, он помогал иногда на казнях, и уже через несколько лет его ждал экзамен – образцовое обезглавливание.

– Если мама узнает, что ты опять купил малышам сладости, головы тебе не сносить, – с улыбкой предостерегла его Барбара. – Она и так считает, что ты их слишком балуешь.

– Смотрите, чтобы я вам не всыпал как следует, – проворчал палач. – Разве не велел я Георгу вычистить повозку? А потом встречаю его у склада с пращой в руках! Что ты вообще там забыл?

– Хотел с ребятами воробьев пострелять, – ответил Георг резко. Голос у него был не настолько низкий, как у отца, но уже такой же ворчливый. – Но подстрелить сумел только пару висельников.

– Тебе радоваться нужно, что он там оказался, – вмешалась Барбара. – До Кожевенной улицы было слышно, как Бертольд вопил. Я даже представлять не хочу, что он сделал бы с малышами, если бы Георг не подоспел.

– Ладно тебе, с этими я бы и сам справился, – огрызнулся Якоб.

– С дюжиной парней? – засмеялся Георг. – Отец, не переоценивай себя. Ты уже немолд.

– Уж с Бертольдами сладил бы. На войне я таких петухов десятками через клинок скакать заставлял. И не старше твоего был тогда, зато сил хоть отбавляй. Сила и смекалка, вот что главное!

Куизль-старший запыхтел трубкой и стал провожать глазами клубы дыма. Барбара повела малышей к пруду, а сын уселся на булыжник рядом с отцом и уставился на водную рябь. Через некоторое время палач молча протянул ему трубку. Георг невольно ухмыльнулся. Он знал, что отец никогда не станет его благодарить. Но данный жест значил больше тысячи слов: старик впервые допустил сына к своей трубке. Закрыв глаза, парень втянул ароматный дым и выдохнул подобно маленькому дракону.

– Как там мама? – спросил наконец Якоб.

Георг пожал плечами.

– Много спит. С нею сейчас Штехлин сидит. Она приготовила ей отвар из липового цвета и ивовой коры.

– Ивовая кора хороша. Она сбивает жар.

Снова затянулось молчание, пока Георг наконец не прокашлялся.

– Ты вот сказал, что в мои годы уже на войне был... – начал он неуверенно. – Что ты имел в виду? Ты мне особо не рассказывал о тех временах.

– Потому что и рассказывать не о чем, кроме как о резне и убийствах. – Палач сплюнул на лужайку коричневой от табака слюной. – А тот, кто возвращается, только и надеется, чтобы война не преследовала его во сне. Так с какой стати мне о ней рассказывать?

– И все же ты тогда познакомился с мамой, – заметил Георг. – И посмотрел мир. – Он с пренебрежением кивнул через плечо. – Не то что маленький, вонючий Шонгау.

– Поверь мне, мир всюду воняет одинаково. Он пахнет смертью, болезнями и конским навозом. И неважно, где ты находишься, в Париже или Шонгау. – Палач пристально посмотрел на сына. – Мы можем только позаботиться о том, чтобы воняло поменьше. Не поднимай носа от книг, парень. В них запах всегда лучше.

Георг вздохнул.

– Ты сам ведь знаешь, что чтение дается мне плохо. Другое дело Барбара, она Парэ и Парацельса читает так, будто сама же их и написала. А я даже «Отче наш» без запинки прочесть не могу.

– Вздор! – прошипел старший Куизль. – Ты просто слишком ленив. Палач, который не умеет читать, годится разве что в живодееры! На что ты жить собираешься? Мы, палачи, не только убиваем, но и лечим. Этим мы зарабатываем большую часть денег. А как ты хочешь лечить кого-то, если не можешь читать книг?

– Мне кажется, убивать я буду лучше, чем лечить, отец.

Затрещина с такой силой припала в лицо Георга, что у него треснула губа и на кожаный жилет брызнула кровь. Он в смущении потер лицо, трубка валялась перед ним в траве.

– Как ты можешь нести такой бред? – прорычал отец, побледнев от злости. – Всю жизнь хочешь ломать кости и рубить головы? Хочешь остаться неприкасаемым, перед которым люди разбегаются и к которому только ночью осмеливаются приходить, чтобы купить

кусок висельной веревки или бутылочку крови? – Куизль-старший поднял с земли трубку и вытряхнул из нее пепел. – Этого ты хочешь? Убирать дерьмо за другими и делать за них грязную работу? Я думал, что выучил тебя чему-то...

– Но... но что нам остается-то? – проговорил Георг. – Нам же нельзя обучаться другой профессии. Палач останется палачом, так всегда было. Или ты знал кого-то, кто сумел это изменить?

Глаза Якоба вдруг опустели, взгляд его, казалось, устремился далеко в прошлое.

– Быть может... – пробормотал он. – Да, быть может, есть один такой.

* * *

Тела болтаются среди ветвей раскидистого дуба... Молодой полковой палач обходит ряды мародеров, одному за другим навязывает петлю вокруг шеи и вздергивает плачущих юнцов кверхушке... Один только Якоб видит слезы на щеках палача, дрожь, сотрясающую крепкое неотесанное тело, невысказанные вслух проклятия... Якоб слишком хорошо знает страхи этого человека. Они мучают и его самого... Ночью друг его лежит рядом с ним, смотрит в беззвездное небо и произносит клятву, которую сам Якоб произнес много лет назад... Утром его друг исчез, только оружие лежит возле костра. Капитан ругается, точно дьявол, и посылает отряд вслед за дезертиром. Якоб тоже среди них. Когда они возвращаются ближе к полудню и мотают головами, он молча возносит небесам благодарность, точит свой меч и пытается забыть...

* * *

– Да, черт возьми, – пробормотал Куизль спустя вечность. – Я как-то знал одного, кто попытался. Черт его знает, чем он теперь занимается, но он хотя бы попытался. Это я, скотина тупая, вернулся с войны и продолжаю вешать людей.

Палач тихо засмеялся и стал тянуть трубку, пока крошечный уголек в ней снова не раскалился докрасна.

– Ну и черт с ним! – продолжил он наконец.

Затем показал мундштуком на внуков, которые с радостным визгом плескались вместе с Барбарой в пруду. К голосу его вернулась теперь прежняя твердость и уверенность.

– Не будь меня здесь, то и вас не было бы, и этих засранцев, верно ведь? За одно только это я с радостью срублю еще голову-другую.

4

Понедельник 14 июня 1666 года от Рождества Христова, раннее утро, в Эрлинге

С первыми лучами солнца Симон тяжело поднялся с колючей соломенной постели в доме живодера.

До поздней ночи он составлял отчет для настоятеля и в нем упомянул также возможные орудия убийства, которые обнаружил прошлым вечером у пруда. На длинном сачке, прислоненном на мосту, остались крошечные капельки крови – вероятно, с затылка убитого послушника. Только вот подозреваемого, как и его мотив, Симон назвать не мог.

Лекарь с удовольствием поспал бы еще немного, но Михаэль Грец встал и зашумел еще до восхода солнца, накрыл гостям завтрак и отправился к кому-то из местных крестьян. После всего этого о сне не могло быть и речи, к тому же Симону не давали покоя события вчерашнего дня. Поэтому он сел за скрипучий стол и начал бездумно есть свою порцию еще горячей овсяной каши.

– Потихе чавкать можешь? Ты и мертвого разбудишь. – Магдалена потерла заспанные глаза и злобно уставилась на Симона.

– Ну, по крайней мере, ты, похоже, идешь на поправку, если уж снова можешь ругаться... – Симон с усмешкой показал на вторую миску каши: – Может, позавтракаешь?

Магдалена кивнула, затем встала и принялась за кашу. Казалось, она действительно начала выздоравливать и ела с большим аппетитом, чем напонила Симону голодного волка.

– Я нынче же отнесу доклад настоятелю, – сказал лекарь и вытер рот. – Но прежде хочу заглянуть к этому часовщику Виргилиусу. Мне показалось, что он знает о брате Йоханнесе больше, нежели хотел рассказать вчера. Он сам намекнул.

– Так ты считаешь, что Йоханнес собственного подручного убил? – спросила Магдалена и зачерпнула новую ложку. – Этот безобразный монах и на такое, наверное, способен. Во всяком случае, руки у него нечисты, я это чувствую.

– А вообще-то нас это даже и не касается. И чего я перед настоятелем язык распустил! – Симон вздохнул. – Впрочем, один раз перед ним отчитаться или два, роли не сыграет. К тому же мне захотелось показать тебе этот странный автомат. – Он встал из-за стола. – Ну так что? Пойдешь со мной?

– Посмотреть на соперницу? А почему нет? – Магдалена рассмеялась. – Смотри только! Если она мне не понравится, я выкручу ей пару винтиков, и этот странный Виргилиус не сможет использовать свою куклу иначе, как в виде дорогого пугала.

В скором времени они вместе миновали деревню, поднялись по холму и потом свернули направо, к дому часовщика. Солнце уже взошло над лесом, и оштукатуренный каменный домик с небольшим палисадником купался в его теплых и ярких лучах. Симон прошел мимо клумб с маргаритками и маками к двери. Только он собрался постучать, как заметил вдруг, что дверь чуть приоткрыта.

– Брат Виргилиус? – крикнул он в комнату. – Вы дома? Я привел к вам кое-кого, с кем вы охотно...

Он резко замолчал, так как в нос ему ударил запах серы и пороха. К нему примешивался и другой запах, который в ином месте Симон, возможно, счел бы даже приятным.

Пахло жареным мясом.

– Что там такое? – весело спросила Магдалена. – Неужто застал монаха с куклой в постели?

– Он, похоже, снова экспериментирует, – пробормотал Симон. – Будем надеяться, что и в этот раз все обошлось.

Лекарь попытался открыть дверь, но неожиданно почувствовал сопротивление, словно что-то тяжелое лежало прямо за ней. Симон привалился к двери, и запах усилился; сквозь щель повалили клубы густого дыма. Затем что-то длинное вдруг вывалилось наружу.

Это была бледная, одутловатая рука.

Симон с криком отскочил, споткнулся и плюхнулся в клумбу с маргаритками. Магдалена тоже отпрянула. Она с трепетом показала на руку, безжизненно повисшую из-за приоткрытой двери. Указательный палец, точно с упреком, указывал на перепуганную пару.

– Там... там... должно быть, кто-то лежит за дверью, – проговорил, заикаясь, Симон и медленно поднялся.

– И этот кто-то, судя по всему, мертв.

Магдалена взяла себя в руки и снова привалилась к двери. Та неохотно поддалась, и, когда дым понемногу рассеялся, взору открылась ужасная картина.

Комната выглядела так, словно в ней побушевал демон. Прямо перед ними лежал труп юного послушника Виталиса. Голова его была повернута под неестественным углом, словно какая-то нечеловеческая сила сломала ему шею. Рубашка и брюки обгорели, на спине и ногах виднелось обугленное мясо. Рука подручного тянулась из двери, словно в тщетной попытке избежать смерти. Обезображенное огнем лицо скривилось в гримасе ужаса, рот был раскрыт, глаза закатились.

– Господи! – прохрипел Симон. – Что здесь произошло?

По комнате были разбросаны столы и стулья, дорогие маятниковые часы валялись, разломанные на куски, на полу, половины медного шара отбросило в угол. Один только крокодил висел под потолком и безжизненными глазами взирал на хаос внизу.

– Если этот Виргилиус действительно экспериментировал с порохом, то он вместе с зарядом взлетел на воздух и растворился в дыму. – Магдалена вошла в комнату и осторожно огляделась. – Во всяком случае, здесь его нет.

Симон наклонился, чтобы подобрать кукольную голову с разбитым лбом и выдавленными глазами, которая подкатилась к его ногам. Он нерешительно повертел в руках фарфоровый череп, как вдруг нечто странное бросилось ему в глаза.

Механическая кукла! Что, черт возьми...

Симон побродил еще немного по сумрачной комнате, но кукла бесследно исчезла. Зато посреди комнаты лекарь обнаружил большую лужу крови. В ней лежала изорванная ряса брата Виргилиуса, а рядом с ней – покрытый копотью гаечный ключ.

– Непохоже, чтобы Виргилиус покинул эту комнату живым, – пробормотал он.

Ужасная мысль зародилась в голове Симона, столь абсурдная, что он поспешил избавиться от нее.

Что, если кукла убила своего создателя и утащила его? Возможно ли нечто подобное?

Внезапно что-то скрипнуло у него под ногой. Наклонившись, лекарь поднял разбитую линзу, оправленную в запачканное кровью медное кольцо. Он не сразу понял, что оказалось у него в руках.

Это был окуляр брата Йоханнеса. Тот самый, который монах надевал вчера в аптеке.

Не успел Симон повернуться к Магдалене, как в дверях появились два бенедиктинца в черных рясах. Оба уставились на мертвого Виталиса у себя под ногами, и лица их побледнели от ужаса.

– Пресвятая Богородица, что здесь произошло? – простонал один из них.

Его более молодой собрат взглянул на Магдалену и перекрестился.

– Ведьма! – завопил он и упал на колени. – Ведьма погубила добрых братьев наших Виргилиуса и Виталиса... Отец на небесах, не оставляй нас!

– Ну, это не совсем так, – осторожно произнес Симон из темноты, отчего оба монаха испуганно вскрикнули.

– Ведьма и ее пропахший серой братец! – запричитал теперь старший. – Конец пришел нашему миру!

Они с воплями бросились к монастырю, где уже зазвонили в колокола. Симон беспокойно повертел в пальцах разбитый окуляр. Судя по всему, придется ему написать свой отчет заново.

* * *

Глубоко в убежище человек прочел послание, которое ему только что передал помощник. Губы его растянулись в тонкой улыбке. Они обнаружили мертвого подручного, увидели беспорядок, и часовщик пропал – все прочее не заставит себя ждать.

Единственное, что мешало, это заумный цирюльник и его проклятая подруга. И чего им вздумалось всюду разнюхивать? Что, если женщина обнаружила что-нибудь на башне? И зачем ее муж ошивался вчера у пруда? Оба они походили на докучливый фурункул, который болел и чесался. Опасность хоть и небольшая, но ощутимая. Он решил понаблюдать за ними до поры до времени. Человек этот по опыту знал, что делать с больными чирьями.

Их нужно срезать.

Исполнившись прежним спокойствием, он прошел к тяжелому дубовому столу, заваленному книгами и пергаменатами. Некоторые из них были привезены из далеких стран, названия которых простым людям ни о чем не говорили; некоторые написаны вязью и рунами, а одна из них – даже кровью. Все они призваны были пролить свет на тайну, столь древнюю, что она восходила к самому началу человечества. К началу верования, когда некий одетый в шкуры пещерный житель взял в руки гладкий камень, кость или череп, опустил в конце концов на колени и поцеловал его.

Одна лишь вера способна вдохнуть жизнь в неодушевленный предмет.

Человек склонился над книгами, закрыл глаза и провел рукой по написанным кровью строкам. Где-то в этих книгах была сокрыта разгадка.

Он чувствовал: чтобы ее найти, придется пролить больше крови.

* * *

И часа не прошло, а Симон уже стоял перед монастырским советом, собранным в так называемой господской части на третьем этаже. За длинным столом в конце комнаты сидел настоятель Маурус Рамбек, по правую его руку расположился заместитель и приор брат Иеремия, далее – келарь, наставник послушников и кантор, исполняющий также обязанности библиотекаря. Все они мрачно и с укоризной взирали на лекаря, как будто было уже доказано, что он как-то связан с ужасным убийством.

Симон сглотнул. Казалось, он уже чувствовал под ногами жар кострища и в это мгновение позавидовал Магдалене, которой запрещено было, как и всем женщинам, заходить в здание монастыря. До окончания допроса монахи посадили ее под замок в соседнем строении. Самому Симону лишь пару минут удалось поговорить с настоятелем с глазу на глаз, затем появились прочие члены совета.

– Любезные собратья... – начал настоятель дрожащим голосом.

Симон заметил, что вид у отца Мауруса был в отличие от предыдущей их встречи испуганный и даже растерянный. Рамбек беспокойно облизнул мясистые губы.

– Я собрал вас потому, что в рядах наших произошло убийство, столь ужасное и таинственное, что мне трудно подобрать слова...

– Дьявол! – перебил его келарь, толстый монах, тонзуру которого обрамляли лишь несколько жидких прядей, искусно уложенных на лысине. – Дьявол забрал этого женопо-

добного Виталиса и колдуна Виргилиуса заодно! Сколько раз я убеждал его прекратить эти дьявольские эксперименты. Вот сатана и прибрал его к рукам!

– Брат Экхарт, я запрещаю тебе говорить так о нашем собрате! – гневно перебил его настоятель. – Брат Виргилиус исчез, больше мы ничего не знаем. Кровь в его мастерской позволяет лишь заключить, что и его постигло несчастье. Господи, быть может, он мертв, как и Виталис...

Маурус Рамбек не договорил и крепко сомкнул губы. Он явно был взволнован.

– Нам следует ожидать худшего, Маурус, – пробормотал кантор и библиотекарь, сидевший на самом краю. Волосы у него были белоснежные, лицо избородили глубокие морщины, что придавало ему сходство с высушенной сливой. – Разрушения указывают на то, что в доме шла ожесточенная борьба. Вот только по какой причине?

Он недоверчиво взглянул на маленького лекаря.

– Полагаю, самое время цирюльнику сообщить, что он увидел, – заговорил тощий приор, крючковатый нос и колючие глаза которого напоминали Симону орла.

«Орел, готовый ринуться на маленькую, парализованную страхом мышь на пшеничном поле, – пронеслась мысль в голове Форнвизера. – Хорошо, если этот Иеремия – лишь заместитель аббата».

– И вообще, кто сказал, что он никак не связан с этим происшествием? – продолжал приор. – Ведь брат Мартин и брат Якобус видели их на месте преступления. И другие монахи сообщили, что цирюльник еще вчера заходил к Виргилиусу. К нему и брату Йоханнесу! – добавил он грозно.

Пятеро монахов недоверчиво воззрились на Симона, казалось заглядывая в самую его душу. Лекарь снова почувствовал огонь под ногами.

– Прошу вас, позвольте мне объяснить, как все произошло, – начал он неуверенно. – Я... я все могу объяснить.

Когда настоятель благосклонно кивнул, Симон начал рассказывать. Он начал со вчерашней встречи с братом Йоханнесом, упомянул его спор с Виргилиусом и под конец достал запачканный кровью окуляр, который нашел в мастерской. Настоятель Рамбек принял его и показал остальным монахам.

– Эта вещь действительно принадлежит брату Йоханнесу, – произнес он задумчиво. – Цирюльник еще перед собранием поделился со мной своим предположением. И я после этого послал за Йоханнесом.

– И что же? – спросил старый библиотекарь.

Маурус Рамбек вздохнул.

– Он исчез.

– А может, просто собирает травы в лесу? – вмешался наставник.

Это был молодой еще человек с приятными чертами лица и живыми глазами, хоть и немного красными. Симон предположил, что он недавно плакал.

– Собирает травы ранним утром? Брат Йоханнес? – Келарь Экхарт злобно рассмеялся. – Тогда это первый раз, когда наш любезный собрат встал так рано. Обычно он собирает в полнолуние, да потом еще заливает это дело кружечкой-другой пива.

– В любом случае я отправил несколько человек из деревни, чтобы они разыскали его и задержали, – сказал настоятель. – Прежде чем я переговорю с ним, крайне нежелательно обременять этим происшествием земельного судью. Все вы знаете, что бы это означало.

Монахи молча покивали, и даже Симон мог представить себе, что последовало бы за приездом земельного судьи. В Шонгау тоже несколько лет назад приезжал на суд над ведьмой представитель курфюрста – вместе со свитой и шумливыми солдатами. Город после этого еще несколько месяцев терпел издержки.

– Речь идет об убийстве, Маурус, – предостерег приор и покачал головой. – Быть может, даже двойном, если Виргилиус не объявится.

Он пожал плечами, и взгляд его, как показалось Симону, выражал некое удовлетворение.

– Боюсь, судьбы из Вайльхайма нам не избежать.

Лекарь подступил на шаг и прокашлялся.

– Прошу прощения, но возможно, что на совести брата Йоханнеса даже три человека.

Приор наморщил лоб.

– Как это понимать?

Симон нерешительно вынул отчет из сумки и передал совету. Затем, не вдаваясь в подробности, поделился своими соображениями насчет смерти послушника Келестина.

Воцарилось молчание.

Тишину в конце концов нарушил настоятель, лицо его стало мертвенно-бледным.

– Значит ли это, что брат Йоханнес убил сначала своего подручного Келестина, а потом Виталиса и, быть может, Виргилиуса? Но... но почему?

– Как будто мы сами не знаем! – прошипел брат Экхарт. Лысина его побагровела, и на ней вздулись тонкие вены. – Разве оба они не предавались то и дело богохульным экспериментам? Йоханнес и Виргилиус? Разве мы всего пару недель назад не запретили брату Йоханнесу изучать вещи, подвластные одному лишь Господу? А он все не унимается!

Он тяжело поднялся со стула и с такой силой врезал ладонью по столу, что монахи взглянули на него с испугом.

– Вот что произошло на самом деле: славный послушник Келестин попытался воспрепятствовать дьявольским промыслам своего учителя. И тогда Йоханнес просто убил его! Далее между двумя колдунами, Йоханнесом и Виргилиусом, разгорелся спор. Они метали друг в друга серу и огненные шары, пока Виргилиус не растворился наконец в дыму и не отправился в ад, а его подручный был сражен заклинанием противника!

– Вздор, – пробормотал молодой наставник. – Никто не может раствориться в дыму. Это следует объяснить как-то иначе.

– Вспомните об увечьях бедного Виталиса, помилуй Господи его душу, – заметил приор. – Они явно неестественного происхождения.

– Для этого их нужно осмотреть подробнее... – возразил было Симон.

Но старый библиотекарь перебил его, подняв кверху палец.

– В этой связи стоит упомянуть еще кое-что, – сказал он хриплым голосом. – Все вы знаете про этот автомат, столь любимый Виргилиусом. Эта жестяная мелодичная женщина.

– Очень надеюсь, что он поломан, – проворчал брат Экхарт. – Хоть в этом было бы просветление. Создание жизни доступно одному лишь Господу, но не человеку.

– Ну... все гораздо хуже, – продолжил нерешительно библиотекарь. – Добрые братья Мартин и Якобус сообщили, что... ну, что автомат исчез.

– Исчез? – Приор покачал головой. – Как Виргилиус? Но как такое возможно? Эта кукла ростом с человека и наверняка дьявольски тяжелая. Кто смог бы...

– Господи! – Брат Экхарт по-прежнему стоял, он молитвенно сложил руки и театрально поднял взгляд к потолку. – Вы что же, не понимаете, что произошло? Не осознаете всего ужаса? – Голос его задрожал. – Это... существо! Оно ожило и поработило своего создателя. Голем бродит где-то по монастырю и творит бесчинства! Господи, защити нас...

Монахи испуганно зашептались, некоторые крестились, другие похватили четки, Симон почувствовал, что и у него по спине побежали мурашки. Ему вспомнился автомат из мастерской часовщика, его безжизненное лицо и хлопающий рот, чуть фальшивая мелодия колокольчиков, звучащая внутри. Кукла снова возникла перед его взором, как она жужжит и катится по комнате.

«Как призрак, невесомо скользит, движимая жаждой мщения, – пронеслась в голове мысль. – Вечно и без остановки, пока цель не будет достигнута...»

Стук настоятеля вернул Симона в действительность. Маурус Рамбек встал и несколько раз хлопнул ладонью по столу.

– Спокойно! – крикнул он. – Дорогие собратья, прошу тишины!

Монахи постепенно притихли, и настоятель, сделав глубокий вдох, продолжил надломленным голосом:

– Полагаю, мы сможем разобраться в этом деле, только если... когда брат Йоханнес вернется в наши ряды. Не говоря уже о том, что мы должны быть рады любой подсказке. – Он повернулся к Симону: – Я внимательно ознакомлюсь с вашим отчетом. Кроме того, буду рад, если вы и впредь станете помогать нам в расследовании этого случая. До сих пор вы выказали себя человеком весьма смышленным.

Приор Иеремиа возмущенно фыркнул:

– Чтобы бесчестный цирюльник помогал монастырю в расследовании убийства? Прощу тебя, любезный брат...

– А я прошу тебя помолчать! – перебил его Рамбек. – Бесчестный или нет, этот цирюльник высказал больше благоразумных мыслей, чем все мы, вместе взятые. Глупцом я буду, если пренебрегу такой помощью. Пусть он и далее составляет отчеты.

Настоятель, казалось, погрузился в собственные мысли, и у него опять задрожали руки. Поколебавшись немного, он снова обратился к лекарю:

– И вот еще что, мастер Фронвизер. До меня дошли слухи, что некоторые из паломников нездоровы. И теперь, когда в нашем распоряжении не осталось аптекаря, о них нужно кому-нибудь позаботиться...

Просьба его повисла в воздухе, и Симон покорно кивнул:

– Разумеется, ваше преподобие. Как вы пожелаете.

«Замечательно! – подумал он. – Еще вчера я был порядочным пилигримом, а теперь мне велят писать отчеты о таинственном убийстве и выхаживать хворых паломников! И как я только не отправился с Магдаленой в Альтеттинг...»

Настоятель закрыл глаза и перекрестился.

– Тогда помолимся Господу – за наших умерших и пропавших братьев.

Пока Маурус Рамбек затягивал псалмы на латыни, Симон переводил взгляд с одного монаха на другого. Святые отцы сложили руки, опустили глаза и забормотали молитвы. Казалось, каждый из них излучал недобрую ауру, столь неестественную для атмосферы монастыря.

Внезапно приор поднял голову и взглянул прямо на лекаря. Симон вздрогнул. Глаза Иеремии горели ненавистью и проникали едва ли не в самую душу лекаря.

* * *

Брат Йоханнес бежал по лесу, словно сам дьявол гнался за ним.

Он спотыкался о корни, быстро поднимался, перепрыгивал через илистые канавы и ломился сквозь заросли. Ряса его давно уже обтрепалась, к ней пристали репы и ветки, лицо вспотело и покрылось грязью. По толстым щекам монаха текли слезы, сердце стучало как сумасшедшее. Взять он ничего не успел, кроме полотняного мешка с самым необходимым.

Йоханнес ругался, плакал и проклинал все на свете. Вся прежняя жизнь его осталась в прошлом; теперь ему снова придется бродить, как раньше, по свету. Он не ведал, что уготовано ему в будущем, – знал только, что с ним будет, если его поймут. Ему выдернут ногти, растянут конечности, пока их не вырвет из суставов, раздробят пальцы и поджарят серой

его морщинистую кожу – только затем, чтобы в конце концов сжечь на большой куче дров и хвороста.

Йоханнес знал все это, потому что разбирался в пытках и казнях – слишком много он видел и того и другого. И понимал, что грозило убийце и колдуну.

Аптекарь, не оглядываясь, мчался через долину. Время близилось к полудню, и солнце безжалостно жгло сквозь ветви и листья. Как и всех прочих монахов, его разбудили чуть свет громкие крики и вопли. Должно быть, случилось нечто ужасное, и он смутно предполагал, что именно. Поэтому Йоханнес тайком прокрался к дому часовщика, откуда как раз выходил этот цирюльник с подругой, оба бледные, как покойники. По отрывистым фразам он догадался, что они обнаружили в мастерской, а затем услышал свое имя.

В этот момент брат Йоханнес понял, что назад пути нет. Скоро они обо всем узнают. Об экспериментах, о пожаре на башне, о его прежней жизни...

Будь ты проклят, Виргилиус!

Тогда Йоханнес вернулся в свой домик, взял немного еды, одеяло и старый крест – и пустился к долине. И вот он бежал по узкому тайному ущелью, которое в народе называлось воловьим рвом и по которому во время войны местные жители спасались от шведов. Временами Йоханнесу приходилось задираť рясу и проходить по ручью. Где-то вдали лаяли собаки и трубил рог. Может, они уже шли по его следу?

Он разогнал мысли и помчался, не разбирая дороги, дальше. Если добраться до Мюльфельда или Вартавайля, то, быть может, появится шанс. Там какой-нибудь рыбак переправит его в Дисен, а оттуда он сбежит в Ландсберг. В Ландсберге у него были друзья, которые могли помочь. Возможно, где-то поблизости стояла армия, и он смог бы к ней присоединиться. Люди с его опытом были всегда нужны.

Деревья перед ним расступились, он уже видел синюю гладь озера в долине. До заветной цели, маленькой пристани неподалеку от небольшого замка Мюльфельда, казалось, уже рукой подать! Йоханнес выскочил из леса, и в то же мгновение прогремел выстрел. Пуля просвистела в сантиметре от его уха, и монах со стоном рухнул в грязь.

– Вот он, жаба гнусная! Ты был прав, он действительно побежал через ров.

Из-за деревьев выступил мужчина с мушкетом; за ним показался второй, а потом и третий. Все трое были опытными охотниками, состоявшими на жалованье при монастыре. Йоханнес их знал. В трактире они иногда шептались у него за спиной – им не нравилось, когда он собирал травы по округе и распугивал дичь. Для них он был жирным, уродливым святошей, который поедал то, что полагалось вообще-то им. Монстр и пугало, которого защищала одна только ряса.

Сегодня им выпала возможность поквитаться.

– Ты, говорят, троих братьев прикончил, – сказал старший из них и пихнул ногой лежащего перед собой монаха. Глаза его сверкали охотничьим азартом. – С тремя святошами ты сладил, но мы из другого теста.

Он со смехом повернулся к товарищам:

– Ну что? Поглядим еще, как жирдяй скакать будет?

Когда остальные согласно загудели, он поднял мушкет и выстрелил в воздух. Воробьиная стая, гневно чирикая, унеслась в сторону монастыря.

Йоханнес, оглушенный шумом и страхом, поднялся и поплелся к ячменному полю. За ним находилось озеро, у берега покачивались маленькие лодки, и уже чувствовался запах воды. Он пустился бегом, и среди низко нависающих облаков показался монастырь Дисен. Колосья с шелестом сминались под ногами.

«Мир так прекрасен, – думал монах. – И почему только люди в нем такие жестокие? Или они все же позволят мне уйти?»

Лишь услышав за спиной лай собак, Йоханнес понял, что все кончено.

* * *

Магдалена сидела на полу в пыльной кладовой и наблюдала, как мухи кружили на свету перед маленьким окошком. Какое-то время она еще расхаживала, разгневанная, из угла в угол, но теперь забилась в угол и проклинала своего мужа, по вине которого оказалась в столь незавидном положении.

После того как Симона вызвали к настоятелю, Магдалену увели несколько подручных угрюмой наружности. С этого времени она дожидалась дальнейшей своей участи в подвале монастырской сыроварни. Здесь пахло лежалым сыром и прокисшим молоком, в углу громоздились плесневелые доски и дырявые кадки из ивовой коры; больше в подвале ничего не было. Единственным входом служила тяжелая дверь с крепким засовом.

Магдалена задумчиво приглаживала волосы, стараясь не замечать резкий запах, шедший от старых корзин для сыра. Она и представить себе не могла, чтобы ее и Симона обвинили в убийстве подручного только потому, что они обнаружили труп. Но и полностью уверенной она быть не могла. Поведение монахов, когда те с криками сбежали с места преступления, показало ей, насколько напряженными были настроения в монастыре. Магдалена вынуждена была признать, что все эти странные события – зверское убийство послушника, его пропавший наставник и бесследно исчезнувший автомат – даже ее могли заставить увериться в дьявольском промысле.

Она решила встать, чтобы размять немного ноги, но за дверью вдруг послышались шаги. Затем дверь распахнулась, и в подвал ввалился избитый брат Йоханнес. Он рухнул на пол и замер возле Магдалены.

– Хорошо тебе повеселиться с девкой цирюльника, изверг! – насмешливо крикнул один из мужчин, стоявших с мушкетами у входа. – Только оставь от нее что-нибудь и не сожри под конец, как часовщика.

Конвоиры засмеялись, и дверь с грохотом захлопнулась.

Некоторое время раздавалось лишь хриплое дыхание аптекаря. В конце концов Магдалена склонилась над ним и осторожно тронула за плечо.

– Как... как вы? – спросила она нерешительно. – Может, вам...

Брат Йоханнес вдруг приподнялся и безмолвно уставился на нее. Магдалена тихонько вскрикнула и отскочила. И без того безобразное лицо монаха было разбито до неузнаваемости, оба глаза заплаыли, кровь капала с мясистых губ на пыльный пол. Йоханнес походил теперь на восставшего из могилы с монастырского кладбища. Он забился в угол, ощупал распухший нос и прогнусавил:

– Бывало... и похуже. И это ничто по сравнению с тем, что мне еще предстоит. Я-то знаю, что меня ожидает.

Магдалена с недоверием смотрела на скорченного монаха. Симон обнаружил на месте преступления окуляр аптекаря, кроме того, он оказался свидетелем ссоры между Йоханнесом и часовщиком. Всем своим поведением аптекарь навлекал на себя подозрение. Он, вероятно, был убийцей двух или даже трех человек. Но, взглянув на него теперь, избитого и окровавленного, точно раненый зверь, Магдалена исполнилась жалости к нему. Она оторвала кусок ткани с передника и протянула монаху:

– Вот, возьмите. Иначе никому будет не разглядеть вашей милой внешности.

Йоханнес слабо улыбнулся, лицо его в тусклом свете походило на гримасу неумело сшитой куклы.

– Спасибо, – пробормотал он. – Я знаю, что далеко не красавец.

– Можно ли по этой же причине называть вас убийцей, нужно еще выяснить.

Магдалена снова заняла свой угол и стала наблюдать, как Йоханнес вытирал лицо. Мухи норовили сесть на его окровавленные губы. Монах отгонял их, но они не оставляли своих попыток, и Магдалена невольно подумала об упрямом и запоротом быке.

– Ты, должно быть, жена цирюльника, – проговорил монах через некоторое время, теперь он хоть немного походил на человека. – Тебе уже лучше? Он говорил, тебя мучили колики в животе.

Магдалена нервно засмеялась.

– Спасибо за заботу. Но сейчас, я полагаю, это не самая важная из моих проблем. – Она вздохнула. – Мы с вами, судя по всему, в одной упряжке. Нас подозревают в убийстве послушника.

– Не беспокойся, тебя скоро отпустят, – отмахнулся Йоханнес. – Им нужен я, и никто другой.

– И как? Правдивы эти обвинения? – тихо спросила Магдалена. – Вы и вправду ведьмак и убийца?

Безобразный монах долго не сводил с нее глаз.

– Ты всерьез думаешь, что я так тебе все и выложу, если это действительно я? – протянул он наконец. – И даже если я никого не убивал, но знаю другие темные тайны, с чего ты взяла, что расскажу тебе о них? Как мне увериться, что ты меня не выдашь?

Магдалена покачала головой и прислонилась к стене.

– Выдам я вас или нет, уже неважно. Завтра, наверное, вызовут земельного судью, и тогда вас увезут в Вайльхайм на допрос. Сначала вам покажут инструменты, и если вы сразу не заговорите, то расскажете все, когда кости затрещат.

Брат Йоханнес тяжело вздохнул. Магдалена заметила, как он задрожал.

– Ты на удивление хорошо в этом разбираешься, – пробормотал монах. – Можно подумать, ты и сама когда-то прошла через такое.

– Нет, просто отца внимательно слушала.

– Отца?

Впервые за все это время монах по-настоящему смутился.

– Да, палача из Шонгау, Якоба Куизля.

– Якоб *Куизль*?

Монах внезапно преобразился. Лицо его побледнело, глаза расширились, и он забормотал что-то себе под нос. Только позже Магдалена поняла, что он молился.

– Господь всемогущий, я усомнился, прости меня! – взмолился Йоханнес. – Я был глупцом, Фомой неверующим! Но Ты послал мне знак, хвала Тебе на небесах! Это чудо! Настоящее чудо!

Он упал на колени, склонил голову и поцеловал висевший на груди деревянный крестик.

– Ради всего святого, что... что с вами? – осторожно спросила Магдалена. Неужели монах сошел с ума от боли и страха? – Что я такого сказала?

Наконец брат Йоханнес поднял голову.

– Ты... ты ангел! – начал он торжественно. – Ангел, посланный мне самим Богом.

«Он и вправду сошел с ума, – решила Магдалена. – Может, позвать стражников, пока он на меня не напал?»

Она неуверенно улыбнулась:

– Ан... ангел?

Йоханнес страстно закивал:

– Ангел. Посланный, чтобы известить меня о приходе Якоба.

Он серьезно взглянул на Магдалену – безумия в его глазах как не бывало – и прошептал:

– Господь свидетель, твой отец – единственный, кто еще может мне помочь.

* * *

Клубы дыма, подобно силуэтам беспокойных призраков, тянулись в небо над Шонгау.

Как и вчера, Куизль сидел возле пруда и смотрел на зеленую воду, где еще сотню лет назад топили дето-убийц. Палач любил это место, потому что другие забредали сюда крайне редко. Пруд считался проклятым, слишком много бедных душ нашли смерть в этих водах. Горожане поговаривали, что в полнолуние здесь слышны были крики и стенания умерших. Но Куизль ни разу их не слышал – напротив, здесь царила полная тишина, которой так не хватало палачу в городе.

Куизлю был нужен покой. Он раздумывал, как ему следует поступить с Бертхольдами. Разумно ли отправляться к секретарю Лехнеру и рассказывать ему о кражах со склада? Раньше Куизль не раздумывал бы ни секунды, но теперь опасность угрожала его внукам. Но неужели Бертхольды и вправду станут нападать на безвинных детей?

Но как ни старался Куизль во всем разобраться, мысли его то и дело обращались к прошлому. Вчерашний разговор с сыном Георгом пробудил в нем воспоминания: о войне, убийствах и сражениях, но прежде всего о единственном настоящем друге, который у него был за всю жизнь. Они через многое прошли вместе, в атаках всегда стояли рядом в первом ряду и были одного возраста, как братья.

Но прежде всего их связывала общая судьба, отличавшая обоих от остальных людей.

Куизль смотрел на воду и отражения растущих вдоль берега ив. Внезапно в нос ему ударил запах пороха, и в отдалении послышались крики и лязг оружия.

Он словно заглянул в туннель, в конце которого сменялись размытые картины...

* * *

Бьют барабаны, играют флейты, в воздухе стоит запах жареной баранины. Восемнадцатилетний Якоб шагает от одного костра к другому. Всюду, насколько хватает глаз, видны пестрые палатки, рядом с ними обтянутые грязным полотном повозки маркитанток, наскоро насыпанные валы, а за ними – город, который завтра они будут штурмовать.

Переживет ли он завтрашний день?

Вот уже пять лет, как Якоб вступил в армию. Из некогда прыщавого барабанищика вырос широкоплечий мужчина, грозный боец, который неизменно стоит с цвайхандером⁹ в первом ряду. Полковник выдал ему грамоту мастера длинного меча, люди боятся Куизля – потому что знают, что этот меч собой представляет. Волшебный клинок, кровопийца, он скрипит и стонет всякий раз, как начинается сражение.

Меч палача.

Забросив клинок за спину, он шагает по лагерю. Солдаты, его знающие, сторонятся, некоторые крестятся. Сыну палача здесь не рады; его уважают, его слушаются – но не любят.

Кто-то неотрывно смотрит ему в спину. Якоб чувствует это и разворачивается. Возле костра, точно откормленная жаба, сидит самый безобразный парень, какого ему доводилось встречать. Лицо раздуто, как пузырь, глаза выпучены, рот перекошен. Якоб смотрит на незнакомца и не сразу понимает, что тот улыбается.

⁹ Цвайхандер – двуручный меч.

– Чудесный клинок, правда, – говорит парень. Голос его звучит мягко и рассудительно, что никак не сочетается с его лицом. – Немало денежек стоил, наверное. Или стащил где-нибудь?

– Тебе какое дело? – огрызается Якоб.

Он решает уже отвернуться, но собеседник его шарит за спиной и достает из-под рваной тряпки двуручный клинок в полтора шага длиной. Без острия, с долом и короткой гардой, он едва ли не один в один похож на меч Якоба.

– Мне клинок от отца достался, когда дьявол его забрал, – произносит безобразный с ухмылкой. – В Ройтлинге, откуда я родом, говорят, что в день казни меч этот кричит и требует крови. Но я, сколько себя помню, ни разу не слышал, чтобы он кричал. Кричит обычно другой кто-нибудь.

Якоб тихо смеется. Впервые за долгое время.

– Теперь жителям Ройтлинга, наверное, самим приходится руки марать, – ворчит он. – Вот и поделом им, торгашам жирным.

Глядя, как собеседник кивает и задумчиво проводит ладонью вдоль лезвия, Якоб понимает, что обрел друга до конца жизни.

Куизль швырнул камень в пруд. По поверхности кольцами разошлись небольшие волны, и картина растворилась в воде. Палач поднялся с тяжелым сердцем и пошел домой.

Столько старых воспоминаний ничего хорошего не сулили.

* * *

Магдалена взирала на монаха и не верила своим ушам.

– Вы... вы знаете моего отца? – спросила она наконец.

Брат Йоханнес по-прежнему стоял перед ней на коленях. Наконец он перекрестился, тяжело поднялся и пробормотал:

– Скажем так, знал. Лучше, чем собственного брата. Но то, что он снова стал палачом в Шонгау, для меня новость. Мы не виделись с ним больше тридцати лет.

Он засмеялся и воздел руки к небу.

– И это чудо, что нынче я встретил его дочь! Быть может, все обернется и к лучшему.

Магдалена скептически взглянула на него.

– Даже если вы его знали, с какой стати все должно обернуться к лучшему? Каким образом мой отец сможет вам помочь?

– Ты права. – Йоханнес вздохнул и снова забился в свой угол. – Не исключено, что я в скором времени сгорю на костре. Но если кто-то и сможет помочь, то это твой отец, поверь мне. Сомневаюсь, что он лишился прежней своей смекалки. Или как?

Магдалена невольно улыбнулась.

– Не лишился – ни прежней смекалки, ни даже упрямства. Он что, всегда таким был?

– Упрямее его во всем полку никого не было. Великолепный боец и хитрый, как толпа иезуитов.

Йоханнес ухмыльнулся и начал рассказывать:

– Мы познакомились после битвы при Брайтенфельде. Оба выросли в семьях палачей, и оба бежали от прежней жизни. Война всех уравнивает, и нет лучшего места, чтобы начать все сначала. А уж рубить мы умели.

Монах засмеялся, и его распухшая губа снова треснула. Он выругался и вытер кровь со рта.

– Я быстро получил место надзирателя, а потом и до профоса дослужился, армейского палача. Твой же отец, несмотря на свое низкое происхождение, стал фельдфебелем, мало

кому из простых людей это удавалось. Он был до того хитрым, что мог выловить чуть ли не каждого воришку в полку. Каждого мародера или насильника.

Монах помрачнел.

– А мне приходилось потом вешать бедняг. Я и теперь вижу во сне, как они болтаются на деревьях... Как же я это ненавижу!

Некоторое время тишину нарушали лишь воробьи за окном.

– И по этой причине вы подались в монахи? – спросила наконец Магдалена. – Потому что не могли больше смотреть на убийства?

Йоханнес осторожно кивнул.

– Якоб... он... просто лучше выносил смерть, – начал он неуверенно. – Он, как и я, сбежал из дома, чтобы не стать палачом, но, в сущности, так им и остался. – Монах примирительно вскинул руки. – Не убийцей, нет. Скорее... архангелом. Как архангел Михаил, что устремляется с мечом на борьбу со скверной. Я так не мог... Эти вечные наказания и казни...

Йоханнес закрыл лицо руками, чтобы скрыть слезы.

– В конце концов я дезертировал. Ушел, даже не попрощавшись, и бродил несколько лет, пока меня не приютили более десяти лет назад здесь, в Андексе. Аprobация была поддельной, но прежнего настоятеля это не волновало. Для Мауруса Фризенеггера важным было лишь то, что я разбирался в травах. Нынешний настоятель, Маурус Рамбек, тоже знает о моем прошлом. Но если узнают остальные... Чтобы палач стал монахом и аптекарем!.. – Он отчаянно рассмеялся. – Ну и ладно. Теперь-то уж все равно.

Магдалена лишь молча слушала. Йоханнес подполз к ней на коленях.

– Прошу тебя! – забормотал он. – Передай отцу, что у меня неприятности. Он единственная моя надежда! Скажи ему... скажи, что Безобразному Непомуку нужна его помощь.

– Непомук? – удивилась Магдалена. – Это ваше настоящее имя?

– Непомук Фолькмар, так меня окрестили. – Монах со стоном поднялся. – Имя это как проклятие, я отказался от него, когда постригся в монахи.

В этот миг снова послышались шаги. Дверь со скрипом отворилась, и в кладовую вошел Симон. Он сочувственно посмотрел на Магдалену, а монаха не удостоил и взглядом.

– Прости, что так долго, – сказал он, пожав плечами. – Но у настоятеля были кое-какие вопросы. Теперь все встало на свои места. – Фронвизер улыбнулся. – Мы свободны.

– Симон, – начала Магдалена и кивнула на Непомука Фолькмара. – Этот монах знает моего отца. Он...

– Теперь ему в этом нет никакого проку, – грубо перебил ее Симон. – За Андекс отвечает палач Вайльхайма, а не твой отец. – И добавил шепотом: – Да и не знаю я, чем бы он мог помочь, кроме быстрой и по возможности безболезненной смерти.

– Симон, ты не понимаешь. Непомук был...

– Все, что я понимаю, это то, что ты мило беседуешь с предполагаемым убийцей и стражники уж начали переглядываться, – прошипел Симон. – Так что идем-ка отсюда, пока настоятель не передумал и не запер нас, как соучастников.

Непомук с надеждой взглянул на Магдалену.

– Ты ведь сообщишь отцу, да? – пробормотал он. – Не оставишь меня в беде?

– Да, я... – начала Магдалена, но Симон уже потянул ее к выходу.

Дверь начала медленно закрываться, и последнее, что увидела еще Магдалена, было разбитое, молящее лицо безобразного аптекаря.

Затем дверь с грохотом захлопнулась.

* * *

Снаружи, при солнечном свете, под синим небом, занятым лишь несколькими облачками, мир казался совсем другим. В отдалении звучали песни богомольцев, и бабочки порхали над лужайками вокруг монастыря.

Магдалена уселась на обрушенный кусок стены и злобно уставилась на Симона.

– Не тебе мне выговаривать! – прошипела она. – Не вздумай больше так делать. Я не какая-нибудь из твоих прежних простушек. Я, черт возьми, жена тебе, не забывай это!

– Магдалена, я же для тебя старался. Стражники...

– Теперь *ты* закрой рот и послушай, что я скажу, – резко перебила Магдалена. – Этот человек в подвале, вероятно, лучший друг моего отца, и, если не случится чуда, его скоро подвергнут пытке и отправят на костер за убийство и колдовство. Можешь себе представить, что случится, если я не расскажу об этом отцу? И представляешь, что тот с тобой сделает, если ты мне помешаешь?

– Его лучший друг? – растерянно переспросил Симон. – Почему ты так решила?

Магдалена вкратце рассказала Симону о прошлой жизни монаха, бытности его армейским палачом во время войны и дружбе с Якобом Куизлем. Когда она закончила, лекарь посмотрел на нее скептически:

– И ты ему поверила? А ты не думала, что он просто хватается за любую соломинку?

– Он знал мельчайшие подробности о жизни моего отца, Симон. Он... описал его так, как даже я не смогла бы... – Магдалена устремила взгляд вдаль: над Аммерзее снова собиралась гроза. – Да, я ему верю.

– Ну, хорошо, – согласился Симон. – Может, он действительно знает твоего отца. Но это еще не делает его невиновным. – Он взял жену за плечи. – Магдалена, против него все доказательства! Окуляр на месте преступления, спор с часовщиком, все его поведение... И разве ты сама не говорила, что он ведет себя странно? Вспомни те странные прутья, которые он таскал по лесу. На совете тоже говорили, что он предавался богохульным экспериментам.

Магдалена взглянула на него с удивлением:

– Богохульные эксперименты?

– Ну... подробности они поминать не стали, – ответил нерешительно Симон. – Но вполне очевидно, что этот твой Непомук частенько спорил с Виргилиусом. При этом речь, видимо, шла о каких-то экспериментах.

– Те странные носилки и проволока на колокольне, – пробормотала Магдалена. – Может, это и есть тот самый эксперимент?

Симон пожал плечами:

– Не знаю. Монахи вели себя несколько скрытно. И вообще весь этот совет оказался сборищем каких-то странных людей. – Он принялся загибать пальцы. – Келарь – жирный фанатик и сегодня же готов сжечь аптекаря. Приор ополчился против меня, а библиотекарь сидел до того холодный, будто происходящее вообще его не волновало. Один только наставник принял смерть послушников близко к сердцу. Мне даже показалось, что плакал. Во всяком случае, глаза у него были красные.

Симон во всех подробностях рассказал Магдалене о встрече с управителями монастыря и о том, как переполошились монахи, узнав, что автомат пропал.

– Этот безмозглый келарь и вправду решил, что автомат превратился в некое подобие голема и теперь творит бесчинства на Святой горе! – покачал головой Симон. – Можно подумать, время здесь остановилось. Ведь такие музыкальные автоматы уже считаются обычным делом.

– Голем? – переспросила Магдалена. – Кто это?

– Неодушевленное существо, в которого человек вдохнул жизнь. – Симон задумчиво отломил от стены камешек и раскрошил его в руке. – Когда я учился в Ингольштадте, то как-то раз читал об этом. Слово «голем» означает с еврейского «необработанный». И некоторые раввины были якобы способны создавать бездушного прислужника из глины. Но для этого необходим очень сложный обряд.

Лекарь покачал головой.

– Это, конечно, сказки, но для фанатичных христиан послужило отличным поводом объявить евреев живым воплощением дьявола. У келаря, во всяком случае, чуть пена изо рта не шла, да и библиотекарь сразу воодушевился. Если не ошибаюсь, то именно он и подал эту тему.

– А что, если кто-нибудь из этих монахов связан с убийствами? – задумчиво спросила Магдалена.

Симон рассмеялся:

– Может, сам настоятель лично? Магдалена, уймись. Это был аптекарь, точно тебе говорю! Не колдун, конечно. Но есть и вполне обычные причины, чтобы встать на путь убийства. Зависть к коллеге, месть... Или что там еще. Йоханнес наговорил тебе непонятно чего, и ты теперь всеми средствами пытаешься его выгородить.

– Ты с ним не разговаривал, – прошептала Магдалена. – Непомук – отверженный, он всю жизнь в бегах. Он оставил ремесло палача, потому что не мог больше переносить все его ужасы. Такой не станет убивать трех человек. К тому же Непомук не сталкивал меня с башни. Ты сам говорил, что он в это время был с тобой у настоятеля.

Симон вздохнул.

– Твоими бы устами... И что же ты намереваешься делать?

– А что остается? Пойду в гостиницу и отправлю посыльного в Шонгау. – Магдалена прыгнула со стены и зашагала в сторону деревни. – Ты только представь себе, что скоро отец мой во всем здесь разберется.

– Этого еще мне не хватало! – простонал Симон. – Мало того, что я и дальше должен отчитываться перед настоятелем по поводу убийства, так теперь тесть будет разнюхивать вслед за мной!

Магдалена оглянулась с ухмылкой.

– Ну, до сих пор он всегда что-нибудь придумывал. Так что не валяй дурака. Мог ведь и другую семью выбрать, чтобы жениться.

Она подмигнула и побежала по цветущим лужайкам к Эрлингу. С запада донесся первый отдаленный гром.

* * *

Где-то в толще Святой горы скрипело и пощелкивало.

Автомат катился без усталости и остановки; он ударялся о камни, цеплялся за выступающие балки, но продолжал упрямо двигаться вперед. Туннель, по которому он катился, был очень древним; его вырубили в скале задолго до того, как здесь появился монастырь. Во времена, когда правила еще сила меча и вера зарождалась на кровавых ритуалах – в горящих корзинах, в которых погибали пленники, или на черных выщербленных алтарях. С тех пор религия преобразилась, изменила свой облик, но это ей ничуть не навредило. Напротив, в новом обличье она покоряла империи и короновала императоров. Сила ее возросла, как никогда прежде.

Рот куклы открывался и закрывался снова и снова – точно скалился щелкунчик размером с человека. Внутри ее звучала тихая мелодия, разносилась по коридорам, отражалась от стен, и казалось, что играла она одновременно и всюду.

То была песня о любви. Но в укромных коридорах под толщей горы она звучала грустно.

Грустно и зловеще.

5

Понедельник 14 июня 1666 года от Рождества Христова, поздний вечер, в Шонгау

Куизль посмотрел на письмо и почувствовал, как сердце начало биться сильнее. Редко случалось, чтобы посыльный передавал ему письма лично в руки. В некоторых регионах одно только прикосновение к палачу могло стоить порядочному человеку репутации и должности. Значит, в послании что-то важное.

– Откуда оно? – спросил Куизль посыльного.

Тот стоял перед ним, опустив глаза и украдкой скрестив пальцы на правой руке. С одежды его стекала вода после ливня, который в этот час обрушился на Шонгау.

– Из... из Андекса, – пробормотал посыльный. – Со Святой горы. Письмо от вашей дочери.

Куизль усмехнулся:

– Тогда она небось и денег малость приложила, чтобы ты не забыл ко мне заехать.

– Я все равно отправлялся в Шонгау, – возразил неуверенно курьер. – А с утра поеду в Аугсбург. К тому же дочь ваша имеет... удивительную способность к убеждению. Что вовсе не похоже на...

– На глупую палачку? Это ты хотел сказать?

Посыльный вздрогнул.

– Боже мой, нет! Даже наоборот, весьма разговорчивая и обаятельная девица.

– Это у нее от матери, – проворчал Куизль более добродушно. – Болтать без умолку. Даже если болтать не о чем.

Он достал несколько монет и хотел было сунуть их посыльному в руку, но тот отмахнулся, пробормотав:

– В этом нет необходимости. Ваша дочь и этот цирюльник уже заплатили. Всего хорошего.

Он боязливо поклонился и поспешил раствориться во мраке.

– Да-да, и тебе того же, – проворчал Якоб.

После чего направился обратно в комнату; жена его зашла в очередном приступе кашля. Лихорадка ее за последние два дня не усугубилась, но и лучше Анне-Марии не стало. Она по-прежнему лежала на скамье в полузабытьи. По крайней мере, внуки легли наконец спать в спальне на втором этаже. Петер и Пауль весь вечер носились вокруг больной бабушки.

– Новости от Магдалены? – прохрипела Анна-Мария. – Надеюсь, ничего серьезного?

– Посыльного она, по крайней мере, заболтать сумела. – Палач сломал простую печать и развернул бумагу. – Так что не надо...

Он замолчал, и только губы задвигались бесшумно. В конце концов он опустил на скамейку.

– Что там такое? – спросила его жена. – Что-то случилось?

– Нет. – Куизль взял за голову. – Ничего. Во всяком случае, не то, что ты думаешь. Кое-что... другое.

– Черт побери, не заставляй вытягивать из тебя каждое слово, упрямец проклятый!

Анна-Мария снова закашлялась. Когда она немного успокоилась, Куизль продолжил, запинаясь:

– Магдалена... она... кажется, она встретила Безобразного Непомука. Почти тридцать лет этот стервец не давал о себе знать, а тут вдруг объявляется в Андексе... Шею мало свернуть жирдяю.

– Непомук? *Непомук*?

Якоб кивнул.

– Он влип во что-то. И стал, судя по всему, монахом. – Сплюнул на тростник, затем вынул трубку, зажег ее от лучины и прорычал: – Чтобы Непомук, и монах!.. Скорее свинья в игольное ушко пролезет, чем палач святошей станет. Непомук всегда был умником, много читал и выдумывал для армии всякие странные штуки. Но для убийств слишком мягкий был. Как знать, может, в другой жизни он действительно стал бы хорошим священником... – Куизль запнулся. – Как бы то ни было, в монастыре на него хотят повесить три убийства и колдовство. Он просит меня приехать и помочь ему.

Анна-Мария осторожно поднялась на постели.

– Ну и?.. Чего ты ждешь?

– Чего я жду? – Палач злобно рассмеялся. – Чтобы ты выздоровела, вот чего! К тому же я не могу оставить внуков одних. – Он глубоко затынулся. – Я же рассказывал тебе про Бертольд. С них станется и с малышами чего-нибудь сотворить. Только чтобы мне пригрозить, если к Лехнеру решусь пойти.

Анна-Мария задумалась. Некоторое время слышалось лишь ее хриплое дыхание и отдаленные раскаты грома.

– Тогда возьми их с собой, – сказала она наконец.

– Что? – Куизль вздрогнул, увлеченный мрачными раздумьями.

– Внуков. Возьми их с собой.

– Но... как ты себе это представляешь? – с трудом выдавил палач. – Я должен спасти друга от казни и одновременно возиться с детьми, как нянька?

– Симон с Магдаленой тоже ведь там. Пусть они за ними присматривают. Они все-таки их родители.

Палач склонил голову. Предложение жены казалось не таким уж и плохим. Штехлин не могла сейчас присматривать за его внуками, в отсутствие Симона знахарка все время проводила у больных: не только Анна-Мария страдала от лихорадки. А подрастающим Георгу и Барбаре Якоб не мог еще довериться. Им не хватало еще ответственности, и они не смогут уберечь малышей от Бертольдов. Оставалось только предложение жены...

– Если я уйду, – начал он нерешительно, – что с тобой станется? Ты больна. Кто позаботится о тебе, если меня не будет рядом?

– Это и Штехлин по плечу, – возразила Анна-Мария. – Она лечить умеет не хуже тебя. И Георг с Барбарой тоже пока здесь. Что может...

Она снова закашлялась, и палач с тревогой взглянул на жену.

– Ты самое дорогое, что у меня есть, Анна, – пробормотал он. – Я никогда не прощу себе...

– Да черт возьми, иди уже! – напустилась на него жена. – Этот Непомук был когда-то твоим лучшим другом. Сколько раз ты мне про него рассказывал! Хочешь, чтобы он теперь сгорел, пока ты сам в нескольких милях ромашковый чай готовишь?

– Не в этом дело, просто...

– Так ступай наконец, болван ты эдакий, и внуков забирай. – Она плотнее закуталась в одеяло и закрыла глаза. – А теперь дай поспать. Вот увидишь, завтра мне уже станет лучше.

Ссутулившись, как старец, палач сидел на скамейке и смотрел на больную жену. Они были вместе почти тридцать лет: Якоб забрал Анну-Марию из деревни под Регенсбургом, которую сожгли солдаты его собственного полка. Они нередко ссорились, лаялись, как дворняжки, но очень дорожили друг другом. Обособленность от прочих горожан, любовь к детям и каждодневный совместный труд – все это сплачивало их. Якоб ни за что не сказал бы этого вслух, но это и не требовалось – Анна-Мария и так знала, что палач в своей неуклюжей манере любил жену больше собственной жизни.

Тихо, чтобы не разбудить больную, Куизль поднялся со скамьи и прошел в соседнюю комнатку; там, помимо шкафа с лекарствами и некоторых орудий для пыток, находился также сундук с его старым оружием. Палач подумал немного, затем открыл обветренный и покоробленный ящик. На самом верху лежала изъеденная молью пехотная униформа, некогда яркие цвета ее теперь выцвели и потускнели. Под нею хранились сабля, фитильный мушкет и два хорошо смазанных колесцовых пистолета.

Куизль задумчиво провел ладонью по дулу пистолета, и на него хлынули воспоминания. Он закрыл глаза и оказался рядом с Непомуком, лучшим своим другом, когда они шли в первом ряду на шведов...

* * *

Желтая линия выстроилась на горизонте и стремительно приближается...

Бой барабанов, свист, затем крики – и линия рассыпается на отдельных людей. Вражеские солдаты с пиками, мечами и саблями несутся на их строй, а за ними плотными рядами стоят мушкетеры; грохот залпов, крики и вопли раненых и умирающих... Якоб вдыхает запах пороха, смотрит на Непомука и видит в его глазах страх. Но, помимо страха, есть и нечто другое – звериный блеск, тьма, глубокая, как провал в преисподнюю, и Якоб осознает вдруг, что смотрит на свое отражение.

И видит в нем желание убивать.

Якоб встряхивает головой, заносит меч и шагает на кричащего противника. Спокойно и с ясным взором он занимается ремеслом, заниматься которым никогда не хотел.

Ремеслом палача.

* * *

Куизль с грохотом захлопнул сундук, словно мог таким образом разогнать призраков, которых только что пробудил. Он вытер лоб и почувствовал под ладонью холодный пот.

* * *

Капли дождя, точно слезы, стекали по окнам монастырской таверны.

Симон смотрел в окно: в полумраке призрачными силуэтами к монастырю тянулась группа паломников на вечернюю молитву. Магдалена решила присоединиться к богослужению и поблагодарить Господа за выздоровление детей. Ведь именно для этого они и отправлялись в Андекс.

Лекарь тихо вздохнул. Это паломничество начинало походить на сущий кошмар. Мало того, что они с Магдаленой ввязались в это дело об убийстве и скоро здесь должен был появиться его ворчливый тесть, – так теперь еще и странная лихорадка поражала все большее число паломников. Больные жаловались на усталость, головную боль и колики в животе. Быть может, это та самая болезнь, которой переболела Магдалена?

Симон откликнулся на просьбу настоятеля и целый день провозился с больными во флигеле монастыря. Из трех или четырех человек число их постепенно выросло до дюжины. У многих из них грудь была покрыта красными пятнами, а язык – обложен желтым налетом. Первых пациентов лекарь принимал еще бесплатно, но постепенно начал требовать небольшую плату – по крайней мере с тех, кто был прилично одет.

Теперь же Симон решил потратить часть заработанных денег на подогретое вино в трактире. Он пил, прислушивался к возне на кухне и размышлял, отчаянно стараясь разобраться в событиях двух минувших дней. Но в голову ему ничего не приходило.

Только он собрался налить себе новую кружку, как кто-то коснулся его плеча. Симон обернулся: перед ним стоял с гнусной ухмылкой бургомистр Шонгау. В отличие от прошлой их встречи в этот раз Карл Земер вел себя на удивление дружелюбно.

– Фронвизер! – воскликнул он так, словно приветствовал старого друга. – Хорошо, что я встретил вас тут. Говорят, настоятель доверил вам разобраться в этих ужасных убийствах. Это правда?

Симон не повелся на его тон. Таким дружелюбным бургомистр становился только в тех случаях, когда ему что-то было нужно.

– Может, и так, – пробормотал он. – Вам это зачем знать?

– Ну...

Земер выдержал паузу, затем подсел к Симону и кликнул трактирщика.

– Хорошего токайского, что мы пили вчера! – приказал он грубо. – Два стакана, только быстро!

Когда трактирщик, раскланиваясь, принес вино, Земер подождал еще немного и только потом продолжил шепотом:

– Все эти события крайне неприятны. Среди паломников уже поговаривают о колдовстве; будто ожившая кукла бродит по монастырю и убивает монахов... – Он тихо засмеялся. – Что за бред! Но вы, к счастью, уже нашли преступника, не так ли? Должно быть, это тот безобразный аптекарь. И... как скоро вы устроите над ним процесс?

– Расследование еще не закончено, – ответил Симон немного резко. – И никто не говорил, что брат Йоханнес действительно виновен. Настоятель попросил несколько дней на раздумья, прежде чем сообщать о происшествии судье Вайльхайма.

Карл Земер отмахнулся:

– По мне, так пустая трата времени. Это был аптекарь, все тут ясно, как божий день. Лучше бы сжечь его поскорее.

– Откуда такая уверенность?

– Ну... у меня свои источники. – Бургомистр широко улыбнулся. – Я знаю, что на месте преступления нашли окуляр этого изверга. Он пытался сбежать. И кроме того...

Он заговорщицки наклонился.

– Приор велел обыскать его шкаф с лекарствами. При этом они обнаружили кое-какие запретные травы, которые ясно указывают на колдовство. Красавка, белена, дурман и даже знаменитый красный порошок, который извлекают из мумий казненных.

Симон закатил глаза.

– Красавка в малых количествах хорошо помогает при лихорадке, а белену некоторые монахи до сих пор добавляют в пиво.

– Ну да, а красный порошок? Что насчет красного порошка?

– Позвольте спросить, господин бургомистр, почему вам так захотелось отправить монаха на костер?

Симон невольно отодвинулся от Земера; к стакану с вином он так и не притронулся.

– Разве это не очевидно? – прошипел бургомистр. – Через шесть дней праздник, и на Святой горе соберутся толпы паломников! И что будет, если преступника к этому времени не найдут?

– Дайте угадаю, – ответил Симон. – По округе разползутся слухи об ужасном автомате, паломников соберется меньше, и вы останетесь со своими свечами, иконками и графинами. В этом дело?

Бургомистр вздрогнул.

– Кто вам сказал, что... – напустился было он на лекаря, но быстро взял себя в руки. – Я лишь забочусь о благополучии паломников! Сами подумайте, Фронвизер. Страх и ужас на Святой горе! Что бы сказал на это наш Спаситель?

Земер сокрушенно покачал головой.

– Хорошо бы, если б вы сумели убедить настоятеля уладить это дело, причем до праздника... – Он лукаво прищурился. – Вы не останетесь в убытке. У меня есть сильные покровители, которые готовы выделить некоторую сумму...

Симон резко встал из-за стола.

– Благодарю за беседу, господин бургомистр, – сказал он тихим голосом. – Но мне, к сожалению, нужно еще написать очередной отчет для настоятеля. Не говоря уже о том, что мы завтра ждем моего тестя, так что есть еще кое-какие дела.

У Земера вся краска с лица схлынула.

– Якоба Куизля? – прошептал он. – Но... что ему здесь понадобилось?

– Вам ведь нужен был палач, не так ли? – ответил Симон с улыбкой. – Вот он и явится – лучший и хитрейший исследователь во всем Пфаффенвинкеле. Он наверняка сумеет разобратся в этих убийствах. Кроме того... – Он пожал плечами. – Палач, как никто другой, нуждается в паломничестве, вы так не думаете?.. Ну, всего вам доброго.

Лекарь пододвинул к Земеру нетронутый стакан с вином и направился к выходу. Бургомистр словно прирос к стулу.

В конце концов он схватил стакан и осушил его одним глотком.

* * *

Магдалена задрожала и плотнее закуталась в тонкий плащ. Посреди холодной церкви ей трудно было сосредоточиться на молитвах. Кроме того, опять вернулась тошнота, и оставалось лишь надеяться, что она не вызвана той самой болезнью, что поразила монастырь.

В заполненной до отказа церкви даже июньским вечером было прохладно и сыро, как в пещере. В заделанную кое-как крышу над южным нефом задувал шквалистый ветер, с такой силой завывая в стрельчатых окнах, что временами заглушал латинские бормотания проповедника. Большинству паломников и местных жителей это не особенно мешало, так как слов они все равно не понимали. И, несмотря на это, все с благоговением прислушивались к настоятелю, который лично взялся вести сегодня службу.

Причина этой особенной службы находилась далеко впереди, в нескольких рядах перед обычными верующими. Под резным навесом восседал граф Вартенберг с семейством. Два бледных и упитанных ребенка зевали и коротали время за баловством, а молодая мать то и дело их одергивала. Одному из них на вид было лет восемь, а младший сидел, посасывая палец, на коленях у молодой миловидной графини. Граф, мужчина лет сорока с кустистыми бровями и пронизывающим надменным взглядом, рассматривал убранство церкви, словно уже раздумывал, что следовало бы перенести в сокровищницу Виттельсбахов.

Магдалена успела повидать уже немало церквей, но в монастыре Андекса ее переполняло чувство благоговения. Она знала, что на Святой горе хранились некоторые из важнейших реликвий христианства. И внутреннее убранство внушало соответствующее уважение. По бокам и в центральном нефе располагались бесчисленные алтари, а двери вели в отдельные часовни. Могучие колонны подпирали высокие своды, в ярких витражах отражался свет множества свечей.

Сильнее всего Магдалену изумляло не роскошное убранство, а как раз множество свечей, приносимых сюда паломниками в течение столетий и расставленных по всей церкви. Вдоль стен висели бесчисленные, потускневшие от времени иконы, повествующие о чудесных избавлениях.

– *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis...*

Настоятель произнес священные слова, и люди вокруг Магдалены смиренно опустились на колени. Она тоже присела и склонила голову. И все же она то и дело поглядывала на Мауруса Рамбека: вид у него был крайне встревоженный. Он по несколько раз ошибался или терял нить проповеди. Магдалена не бралась судить, было ли это вызвано событиями последних дней или присутствием высоких гостей. Ей и самой стоило больших трудов сосредоточиться на молитвах.

– *Domine, non sum dignus, ut intres sub tectum meum, Sed tantum dic verbo, et sanabitur anima mea...*

Магдалена вместе со всеми бормотала слова из святого причастия, а сама украдкой смотрела на галерею, где собрались первые лица монастыря. Симон рассказал ей немного об участниках совета, и Магдалена, как ей показалось, узнала тучного келаря, седого библиотекаря и чувствительного наставника. Последний и вправду оказался человеком довольно молодым и необычайно задумчивым. Глаза у него были красные. Время от времени он доставал шелковый платок и вытирал лицо, пока его грубо не пихнул сидящий справа монах с крючковатым носом. Магдалена подумала немного и решила, что это, должно быть, приор. Он шикнул на наставника, и тот мигом спрятал платок и забормотал молитву. Другие члены совета тоже казались необычайно напряженными.

«Что-то здесь не так, – подумала женщина. – Или на них действительно так подействовала смерть двух послушников и исчезновение собрата?»

Настоятель наконец закончил службу. Он благословляюще поднял руки, и, сопровождаемые громкой органной музыкой, паломники повалили наружу. Магдалена осталась стоять на коленях и проследила, как Маурус Рамбек спустился из придела и поклонился графу Вартенбергу. Они обменялись парой слов, после чего граф, по всей видимости, отослал семью в свои покои. В конце концов настоятель и граф поднялись по лестнице на опустевшую уже галерею, где их поджидал приор. Некоторое время они постояли, переговариваясь, друг подле друга, пока не скрылись наконец за небольшой дверцей. От Магдалены не ускользнуло при этом, что приор то и дело осторожно оглядывался.

Что они, черт возьми, задумали?

Поразмыслив немного, Магдалена встала и осторожно приблизилась к лестнице. С окончанием вечерней службы в церкви почти никого не осталось, лишь несколько причетников еще гасили свечи. Стало заметно темнее.

Магдалена огляделась еще раз по сторонам и двинулась вверх по стоптанным ступеням.

– Заплутала, или как?

Над ней стоял, прислонившись к парапету, широкоплечий монах и недоверчиво взирал на Магдалену. Это был келарь – и явно в плохом настроении.

– Галерея и хор доступны только монахам. Прихожанам сюда путь закрыт, – прорычал он. – Тем более женщинам. Что тебе здесь понадобилось?

– Я... я ищу святые реликвии, чтобы помолиться перед ними. Я пешком проделала долгий путь от Боденского озера, чтобы причаститься к ним.

– Глупая женщина! – ругнулся монах. – Думаешь, мы стали бы держать святыни где-нибудь на виду, чтобы каждый мог их украсть? – Он кивнул на небольшую дверцу, за которой скрылись в сопровождении графа первые лица монастыря. – Он хранятся в Святой обители, и входить в нее дозволено очень немногим. Если тебе хочется увидеть три святые облатки, то придется подождать до воскресенья.

– А господин, который только что вошел туда с двумя вашими братьями? – спросила Магдалена, как простодушная крестьянка. – Ему можно смотреть на сокровище?

– Граф Вартенберг? – рассмеялся келарь. – Разумеется. Будучи Виттельсбахом, он как-никак хранит третий ключ. А теперь пошла вон, пока я не прибавил тебе прыти.

– Третий ключ? – Магдалена откровенно удивилась. – Что за...

– Пошла вон, я сказал! – Монах грозно двинулся на нее. – Любопытные бабы, всех вас следовало бы вышвырнуть из церкви... Змеиные отродья!

Магдалена прикрыла голову руками и сбежала вниз. Осеняя себя крестным знаменем и набожно раскланиваясь, она скрылась наконец из поля зрения келаря.

Оказавшись на улице, женщина смачно сплюнула и выругалась вполголоса. Этот жирный немощный монах еще пожалеет, что так с ней обошелся! Что-то здесь было не так, и она в лепешку расшибется, но выяснит, кто или что скрывалось за этими странными событиями.

Магдалена плотнее закуталась в шерстяную накидку и глубоко вдохнула. Площадь перед монастырем опустела и казалась покинутой, лишь кучи камней и мешки с известью и раствором напоминали, что днем здесь шло оживленное строительство. Деревья в лесу шелестели под ветром, и на булыжную мостовую падали редкие капли.

Дочь палача двинулась было по широкому переулку к трактиру, чтобы сообщить Симону новость, но насторожилась, заслышав едва различимый звук. Он был таким тихим, что поначалу она приняла его за отдаленное пение соловья. А потом поняла наконец, что это было.

Где-то под монастырем играла мелодия.

Магдалена вздрогнула. Это звонили колокольчики. Разве не рассказывал Симон, что внутри этого пропавшего автомата были встроены колокольчики? Она невольно вспомнила про голема, о котором говорили монахи и который якобы бродил где-то по монастырю.

Как уж Симон сказал тогда? *Неодушевленное существо, в которого человек вдохнул жизнь...* Но для этого необходим очень сложный обряд...

Магдалена постояла несколько секунд в нерешительности и затем решила разыскать источник мелодии. Казалось, звук шел откуда-то справа, где старая стена отделяла площадь от леса. Женщина отыскала небольшую калитку, за которой несколько ветхих ступеней спускались к тропинке, что тянулась направо вдоль стены. Слева от нее зияло отвесное ущелье, бывшее уже частью долины. Немного поодаль вырисовывались очертания часовни.

На мгновение Магдалене показалось, что мелодия вдруг затихла, но она заиграла вновь; звучала где-то впереди, тихо, но вполне различимо. Магдалена расслышала даже слабый гул и потрескивание; она остановилась и затаила дыхание. Теперь мелодия звучала совсем рядом: не впереди или позади нее, а... под ней.

Магдалена встала как вкопанная. Действительно, звук словно бы исходил из толщи Святой горы. Она поискала в полумраке расщелину или пещеру, но не нашла ничего подобного. Пока она оглядывалась, мелодия снова стала затихать, как если бы источник ее начал медленно отдаляться.

Потом что-то свистнуло у нее за спиной, и в тот же миг ей чем-то оцарапало шею. Обожгло так, словно ее укусил овод: Магдалена схватилась за ужаленное место и почувствовала под ладонью что-то мокрое. Осмотрев руку при лунном свете, она увидела кровь.

Что произошло? Уж не стреляет ли в меня кто? Но я бы услышала выстрел...

Подумать о чем-то еще не хватило времени. Снова раздался свист, и Магдалена в последний момент бросилась на землю: над ней что-то пролетело и врезалось в дерево. Теперь Магдалена не сомневалась, что в нее стреляли. Она вскочила и, пригнувшись, бросилась бегом по тропинке. Мимо нее еще раз со свистом пронеслось что-то и отбило камешек со стены, после чего дочь палача достигла калитки. Подгоняемая животным страхом, она ринулась на площадь; ей казалось, что из-за мешков, поскрипывая и разевая пасть, вот-вот появится автомат и проглотит ее. Но, развернувшись, ничего не увидела. Лишь тьма и шелест листьев за стеной.

Она пустилась по переулку и столкнулась с Симоном.

– Магдалена! – воскликнул тот с облегчением. – Я уже начал беспокоиться. Служба давно...

Только теперь лекарь взглянул на нее внимательнее.

– Господи! – прошептал он. – У тебя кровь! Что случилось?

Магдалена схватилась за шею, еще кровоточащую. Что-то рассекло ей кожу, и рана нестерпимо болела. Ворот плаща тоже пропитался кровью.

– Автомат... он... где-то под нами... – сумела она произнести, и ноги у нее подогнулись.

Страх, потеря крови и усталость взяли свое, и Магдалена потеряла сознание. Последнее, что она увидела, это как Симон склонился над ней. Рот его беззвучно открывался, точно у куклы, и где-то потрескивали гигантские шестерни.

Потом ее окутала тьма.

6

Вторник 15 июня 1666 года от Рождества Христова, утро, на Аммерзее

Лодку с такой силой раскачивало на волнах, что Куизль с трудом удерживал внуков, чтобы те не потонули. Несмотря на ясную погоду, над Аммерзее дул сильный ветер, взбивая пенные шапки на воде и, словно мелким дождем, забрызгивая лодку. Малыши визжали от удовольствия, при каждом удобном случае пытаясь выпутаться из крепких объятий деда и выпрыгнуть за борт.

– Ну и мучители они у тебя... Внуки?

Старый паромщик скалился и покачивал корпусом в такт движению весел. Он погружал лопасти глубоко в воду, и обветренное лицо его покраснело от напряжения. Но, несмотря на это, старик засыпал палача вопросами. С самого начала, когда они отплыли от Дисена, гребец не умолкал ни на минуту.

– Небось собрался высадить их в Хершинге? – спросил он насмешливо. – Или всучишь там же бродячему лоточнику?

– Если так и дальше продолжится, то я подарю их монастырю вместо толстых ангелов над алтарем. Так они хоть помолчат немного.

Куизль ослабился и усадил внуков под скамью, где малыши, давясь от смеха, начали запутываться в вонючую сетку. Петер стал играть с рыбьей головой, а маленький Пауль принялся вылавливать живых раков в корзине. Так они, по крайней мере, утомонились. Но о том, чтобы спокойно покурить во время переправы, нечего было и думать.

Палач вздохнул и вытер пот со лба. Он в десятый раз уже задался вопросом, действительно ли было хорошей идеей брать внуков в Андекс. Все-таки речь шла о жизни его лучшего когда-то друга, который сидел теперь в подвале за убийство и колдовство. Что ж, по крайней мере, на Святой горе этому безумию придет конец, там Куизль сможет наконец передать малышей Магдалене. Так она хотя бы будет занята и не станет, как это часто бывало, совать нос в дела, ее не касающиеся.

Палач задумчиво оглянулся на тот берег, где стоял Дисен: монастырь становился все меньше и меньше. Колокольня казалась теперь не длиннее собственной руки, а за ней высились холмы Вессобрунна и Хоэмпайсенберг. Палач попросил на время лошадей у богатых Шреефоглей, и вместе с сыном Георгом они ранним утром выехали из Шонгау. Георг отправился с лошадьми домой, а Якоб разыскал лодку в Дисене. Старый паромщик не знал о профессии Куизля, и тем было лучше. Ни один рыбак не принял бы в лодку настоящего палача: моряки считались особенно суеверными. И провожатый Якоба, глядя, как усиливается ветер, не раз уже обращался с молитвой к святому Петру, покровителю рыбаков и мореходов.

– В Андекс, наверное, путь удержишь? И малышей прихватил в паломничество? – спросил старый рыбак. Не дождавшись ответа, он ничуть не смутился. – Нам каждый день следует молиться Богородице за то, то мы так близко живем от этого благословенного места! Я уже десять раз на Святой горе бывал. И поверь, реликвий видел больше, чем поместится в эту лодку.

«А люди в озере все равно тонут, – подумал Куизль. – И никакие молитвы не помогают».

Он содрогнулся, вспомнив, как несколько лет назад во время непогоды пошло ко дну судно с паломниками. В живых тогда остались только два ребенка. Люди говорили о чуде, словно могли таким образом смягчить скорбь о тридцати утопленниках.

– Самые почитаемые, конечно, – три святые облатки, – продолжал болтать рыбак, нисколько не смущаясь молчаливостью собеседника. – Их показывают всего один раз в

год, на Праздник трех причастий. Но есть также крест Карла Великого, ветка из тернового венца Христа, половина его плащаницы, пояс Марии, подвенечное платье святой Елизаветы, палантин святого Николая и... – Он выдержал паузу и заговорщицки понизил голос. – Крайняя плоть Иисуса, которую проклятые евреи срезали с...

– Ты лучше гребь поживее, иначе нам никакие святыни не помогут, – перебил его палач и посмотрел на небо. – А то, я смотрю, снова гроза собирается.

Паромщик вздрогнул и погрузил весла в воду. С запада на озеро и вправду надвигалась темная гряда облаков.

– Чертова непогода! – выругался старик. – Нечасто бывает, чтобы за пару недель столько проливалось. Если так и дальше будет, на полях ни одного колоса не останется. Господь гневается на нас. Знать бы только, за что...

– Может, он болтунов наказывает? – пробормотал Куизль. – Может, тебе следует еще раз в Андекс сходить? Там, по крайней мере, не потонешь.

– Зато под молнию попадешь! – Паромщик рассмеялся и сдвинул шляпу на затылок. – Можешь мне поверить, так часто молния больше никуда не бьет. Вот и пару дней назад я видел, как она в колокольню ударила. Можно подумать, башня сама молнии притягивает. Зеленым и синим сверкало, как на Страшном суде, я уж думал, гора целиком вспыхнула. Как по мне, так это все из-за нового настоятеля. Слишком он много за книжками сидит, вместо того чтобы помолиться за спасение наших душ.

Пока рыбак болтал без умолку, как старая клуша, они доплыли до бухты Хершинга по другую сторону озера. Справа от нее располагалось небольшое поселение Вартавайль, откуда паломники начинали свой нелегкий путь к монастырю.

Вода здесь была поспокойнее, и ветер дул уже не так сильно. Куизль насчитал по меньшей мере дюжину лодок, рыбаки на берегу с усталым видом чистили сети. Далее среди буковых лесов высилась Святая гора.

– И как ты собираешься подняться к монастырю с двумя сорванцами? – любопытствовал старик. – Дорога-то крутая.

– Уж об этом не беспокойся. Я и не таких парней на молитву за шкурку таскал.

Рыбак взглянул на него сконфуженно:

– Ты это о чем?

– Благодарю.

Куизль вложил ему в руку несколько монет и усадил хнычущего Петера в заплечную корзину, которую затем взвалил на спину. Маленького Пауля он привязал грязным платком перед животом, откуда двухлетний малыш с любопытством разглядывал покачивающиеся лодки.

– Вот, а теперь пора отнести вас к маме, – проворчал палач. – И хватит уже мазать мне рыбьей башкой по волосам!

Куизль отобрал у Петера дохлую рыбину, выбросил ее в воду и зашагал по тропе к пристани Вартавайля.

В скором времени немногочисленные дома остались позади, и палач углубился в тенистый лес, что окружал гору. Он решил идти неприметной окольной тропой, чтобы не встречаться с толпами болтливых паломников. Детям, похоже, понравилась размеренная поступь деда, и они повизгивали от удовольствия. Петер то и дело показывал на птиц или белок, что сидели по веткам у края дорожки и с любопытством смотрели на шестиногое чудище. Мальчишка тем временем выдумывал затейливые названия для зверей и тоненьким голоском напевал детскую песенку:

– Майский жук в вышине, а твой папа на войне. Мать осталась в Померани...

– И чему только тебя мамка учит! – ругнулся Куизль.

Но в скором времени он и сам начал тихонько подпевать, а маленький Пауль тем временем уснул под размеренный шаг и пение.

Стопанная тропа начала круто забирать вверх. Куизль хрипел и обливался потом; во время подъема он все думал о том, сколько паломников уже поднялись на Святую гору прежде его. Было время, и на одну только Троицу их собиралось более сорока тысяч. Вот и на Праздник трех причастий пилигримов ожидалось целые полчища. Палач хорошо представлял себе, как мешал благочестивым делам запертый в монастыре ведьмак. Вероятно, поэтому процесс над его другом Непомуком собирались устроить уже в ближайшие дни.

Якоб решил сократить дорогу и прибавил шагу. Он сошел с узкого серпантина, обвинявшего гору, и стал подниматься напрямик. Время от времени ему попадались старые обрушенные ступени и поросшие мхом булыжники, торчавшие из листьев. Но по большей части палачу приходилось пробираться через доходившие до колен заросли. Далеко впереди несколько скал образовывали круг, точно основание башни. Куизль задрал голову и попытался высчитать, сколько еще осталось до монастыря.

– Смотри, дедуль, ведьма. Ты спалишь ее?

Петер показал куда-то направо: на прогалине стояла особенно высокая, не меньше восьми шагов, скала. На ней росла липа с кривыми ветвями; в тени деревьев она действительно выглядела как сгорбленная старуха.

– Не болтай ерунды, парень, – проворчал Куизль. – Это не ведьма, а...

Только потом он понял, что на самом деле имел в виду внук. У подножия скалы Якоб заметил вход в пещеру, подле которого тлел небольшой костер; возле него сидела старая седовласая женщина. Она вдруг медленно поднялась, опершись на палку. Одетая в подпоясанные веревкой лохмотья, старуха с трудом прошаркала босыми ногами к палачу и его внукам. Когда она встала перед ним, Куизль заглянул в ее белесые глаза. Старуха была, по всей видимости, слепой.

– Да сохранит тебя Господь, – пробормотала старуха и вытянула дрожащие руки. – Это ты, брат Йоханнес? Снова приготовил мне кашу из буковых орешков?

– Я... я всего лишь паломник, направляюсь в Андекс, – неуверенно ответил Куизль. – Скажи, почтенная, попаду я этой дорогой к монастырю?

Старуха вздрогнула и лишь через некоторое время овладела собой.

– Большой грех ты на себя принял, – прошептала она. – Страшный грех! Я чувствую это. Чертова гора заманила тебя ко мне, так ведь?

– Чертова гора? – Куизль помотал головой. – У меня нет времени на твои загадки, женщина. Я тут двух малышей несу к матери. Ну так что? Ведет эта тропа...

– Это вход в преисподнюю! – прошипела вдруг женщина и показала на пещеру позади себя. Голос ее зазвучал теперь с твердостью; белки глаз, казалось, осветились изнутри. – Я сторожу его, чтобы сатана не вернулся на землю. Но не властна над ним. Он поет, хрипит, стонет, я слышу его по ночам, когда он волочет свое чумное тело сквозь толщу горы...

Она протянула к палачу чахлые руки, отчего тот невольно отступил с отвращением на шаг.

– Остерегайся, путник! Я чувствую, что ты ступил на тропу Люцифера. Кто ты? Солдат, что приносит несчастья? Сколько жизней на твоей совести? Скажи, сколько?

– Я палач из Шонгау, – проворчал Куизль, почувствовав, как волосы на затылке встали дыбом. – Спроси советников, они ведут счет. А теперь дай пройти, пока я еще кого-нибудь не убил.

Палач отпихнул от себя руки старухи и торопливо обошел ее. Та гневно взмахнула палкой и закричала вслед Куизлю:

– Господь не случайно указал тебе этот путь! Признай истину, палач! Страшный суд близок! Я уже слышу, как роются демоны, как пробираются через землю, разгребая гнилые

листья когтями! Скоро они будут здесь, очень скоро! Покайся, палач! Несчастье постигнет тебя!

Дети расплакались, и Куизль не сбавлял шага до тех пор, пока вопли старухи не превратились в отдаленное эхо. Сердце бешено колотилось, и причиной тому был не только напряженный подъем. Старуха что-то расшевелила в нем, нечто темное, кроющееся в глубине души; казалось, что все убитые, запытаные, колесованные, повешенные и обезглавленные одновременно возопили об отмщении. Якоб невольно вспомнил о видениях вчерашнего вечера, о военных воспоминаниях, что кружили теперь у него в голове...

Сколько жизней на твоей совести? Скажи, сколько?

Впервые за долгие годы Куизль по-настоящему испугался.

Он встряхнул головой и поспешил дальше по тенистой тропе. Деревья, казалось, тянулись к нему ветвями, и листья гладили по лицу. Дети плакали и вопили; Петер вцепился палачу в волосы, словно маленький разгневанный гном, и бесился у него на плечах.

Куизль оступился, едва не упав, затем отодвинул в сторону последнюю ветку, и взору его открылась залитая светом прогалина с лужайками и полями, золотистые колосья волновались на ветру. А впереди стоял в ярких лучах послеполуденного солнца монастырь Андекс.

Ужас остался позади.

Палач вдруг в голос рассмеялся. Какая-то старуха несла непонятно что про отмщение и расплату, а он испугался, как дите малое! Что с ним стряслось вообще? Давно пора было передать малышей Магдалене и сосредоточиться на своих делах. Пока сам не превратился в боязливого мальчишку, что пугается бабьих сказок.

Собравшись с духом, Куизль зашагал через поле к монастырю. Но он все-таки решил в эти дни помолиться и попросить отпущения грехов. Не то чтобы он действительно верил во что-нибудь – просто в любом случае это не повредило бы.

* * *

Магдалену разбудил сиплый кашель пожилого мужчины, лежавшего справа от нее. Старик захрипел и сплюнул на устланный тростником пол зеленый сгусток.

Магдалена брезгливо отвернулась. С прошлой ночи она лежала во флигеле монастыря – бывшей конюшне, которую настоятель предоставил в распоряжение больных. С утра пациентов было всего несколько человек, но за последние часы число их резко выросло. Магдалена насчитала в импровизированном лазарете не меньше двух десятков стонущих, храпящих и причитающих паломников. Они лежали на кишасих блохами койках или на соломенных тюфяках и дрожали, закутанные в тонкие одеяла. Старое и сырое строение пропахло конским навозом и человеческими экскрементами. Снаружи доносились песнопения богомольцев, которые стекались к монастырю, чтобы помолиться за хороший урожай, здоровых детей или просто за спокойный год без войн, голода и болезней.

Магдалена осторожно ощупала пахнущую травами повязку на шее. Рана оказалась неглубокой, необычным выстрелом ей лишь оцарапало кожу. Но усталость и потеря крови не прошли даром, и Магдалена пролежала некоторое время без сознания. Незнакомец, который подкараулил ее возле монастырских стен, по-прежнему вселял в нее страх.

Незнакомец и странная мелодия.

Что, если это тот самый человек, который днем раньше столкнул ее с колокольни?

– Ну, что, вернулась в мир живых? – Над ней с улыбкой склонился Симон и протянул миску с горячей кашей. – Значит, мой отвар из мака пошел на пользу. Уже за полдень перевалило. Ты шестнадцать часов проспала, пару раз всего просыпалась!

– Я... мне это было необходимо, – ответила Магдалена в некотором смущении. – Зато теперь я проголодалась, как волк.

Она с аппетитом набросилась на кашу и, лишь собрав пальцем последние остатки, откинулась со вздохом на кровать, пробормотав:

– Да, неплохо. Очень даже неплохо. Почти как у моего родственника-живодера. – Лицо ее вдруг посерьезнело. – Вообще-то мне бы радоваться, что я еще жива и хоть что-то могу есть, – добавила она тихим голосом.

Симон провел ладонью по ее потному лбу.

– Я наложил тебе повязку с пастушьей сумкой, хвощом и календулой, – сказал он заботливо. – Рана должна хорошо зажить. Но прошлой ночью ты несла какой-то бред. Что там вообще случилось?

Магдалена вздохнула.

– Если бы я только знала!..

И она рассказала Симону об увиденном во время мессы, необычной мелодии и выстрелах из засады.

– И это была мелодия автомата, созданного Виргилиусом? – спросил Симон с сомнением. – Ты уверена?

Магдалена пожала плечами.

– Во всяком случае, звонили колокольчики. И звук шел откуда-то из горы... снизу. – Она вдруг снова содрогнулась. – А что, если этот автомат и вправду убил своего создателя и подмастерья и теперь бродит где-то под нами в поисках новых жертв? Если он превратился... в голема?

– Чепуха, – возразил Симон. – Это простые страшилки, только и всего. Один лишь Господь способен создавать жизнь. Я скорее полагаю, что здесь как-то замешаны эти монахи.

Магдалена торжествующе оскалилась:

– Так, значит, ты тоже считаешь теперь, что Безобразный Непомук невиновен? Я же говорила!

– Имеешь в виду брата Йоханнеса?

Симон протянул Магдалене кружку воды, и женщина осушила ее жадными глотками.

– Даже если он и не колдун, то по-прежнему сидит в старом подвале, – задумчиво рассуждал Фронвизер. – Значит, ночью он в тебя стрелять тоже не мог. А может, это был просто охотник, который принял тебя за отбившегося от стада зверя? Ведь было довольно темно.

– Симон, не смей меня! Я что, похожа на кабана? – Магдалена покачала головой и вздрогнула, потому что рана снова разболелась. – Это не охотник был, а тот незнакомец! Мне иногда кажется, что ты и вправду держишь меня за сумасбродную бабу.

Лекарь улыбнулся:

– Боже упаси, и не посмел бы никогда! Но вид у тебя сейчас какой-то... ну... усталый.

– Да я уж и не помню, когда так ясно себя чувствовала! – вскинулась Магдалена. – Но если ты еще раз скажешь мне, что я больна, то я и вправду захвораю!

Однако Симон снова погрузился в раздумья и, казалось, даже не услышал ее.

– Монахи и вправду ведут себя очень странно, – продолжал он неуверенно. – Все эти разговоры о богохульных экспериментах Йоханнеса и Виргилиуса... Что они этим подразумевали? И что понадобилось настоятелю с графом и приором в часовне на ночь глядя? Так ты говоришь, что Маурус Рамбек был очень взволнован во время службы...

– Как и молодой наставник, – перебила Магдалена. – Он был весь какой-то заплаканный и получил нагоняй от приора. И этот жирный келарь сторожил на галерее... По мне, так они скрывают какую-то тайну и боятся, что про нее узнают.

– Но граф Вартенберг? – нахмурился Симон. – Как, черт возьми, связан со всем этим Виттельсбах?

– Келарь говорил, что у Вартенберга хранится третий ключ.

– Третий ключ? – Симон покачал головой, встал и потянулся. – Все становится еще запутаннее. При этом у меня здесь еще дел по горло. Эта проклятая лихорадка, она как эпидемия...

Он показал на дверь: два пилигрима как раз втащили нового больного. Одетый в льняную рубаху крестьянин был бледнее покойника, его приглушенные стоны слились с хрипами и причитаниями прочих пациентов.

– И вообще все это паломничество превращается в средоточие эпидемии! – проворчал Симон. – Мы сколько лет с твоим отцом твердим, что люди не от испарений из земли заболевают, а друг от друга заражаются! В эти дни люди тысячами стекутся в Андекс, а потом разнесут заразу по своим городам и деревням. Им бы дома молиться...

– Слишком поздно, мастер Фронвизер. Теперь можно позаботиться лишь о том, чтобы они вернулись здоровыми.

Симон обернулся и увидел Якоба Шреефогля: он нес на руках больного ребенка. По лбу мальчика катились бусинки пота, глаза были закрыты.

– Родители считают, что достаточно будет помолиться сотню раз и пожертвовать свечку, чтобы ребенок выздоровел, – выругался советник. – К счастью, мне удалось уговорить их хотя бы на время обедни передать мальчика под вашу опеку. Просто стыд какой-то!

Он осторожно положил мальчика на соломенный тюфяк в углу низкого строения и устало улыбнулся лекарю.

– Всякий раз, когда я вижу больных детей, вспоминаю, как вы вылечили тогда мою маленькую Клару. Надеюсь, что и этому мальчику вы сумеете помочь. Каждый ребенок есть дар Божий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.